

ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА

СУХАРЕВА БАШНЯ

Детективное ретро

Валерия Вербинина

Сухарева башня

«Автор»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вербинина В.

Сухарева башня / В. Вербинина — «Автор»,
2020 — (Детективное ретро)

ISBN 978-5-04-113524-9

Сотрудник уголовного розыска Иван Опалин едет сменить товарища, который вместе с другими агентами ждет в засаде членов бандитской шайки. Из-за несчастного случая на дороге Опалин опаздывает – и обнаруживает, что его товарищи убиты. Его начинают подозревать в том, что он причастен к случившемуся, и тогда он задумывает одолеть бандитов самостоятельно. Однако без помощи ему не обойтись, и Опалин находит крайне неожиданного сообщника...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113524-9

© Вербинина В., 2020
© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	31
Глава 8	37
Глава 9	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Валерия Вербинина

Сухарева башня

© Вербинина В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Данный роман является вымыслом. Любое сходство с реальными людьми или событиями непреднамеренно и случайно.

Глава 1

Происшествие

Вечером 3 февраля 1928 года на Москву опустился густой молочный туман. Съел Кремль красностенный с царскими орлами на башнях, хмуро косящимися на советскую столицу, накрыл белой подушкой храм Христа Спасителя, стер стоящий в центре города готический замок – универмаг Мосторга¹, поглотил улицы и здания. Фонари светили во всю мочь, но свет их оказался бессилён против окутавшей землю белой мглы. Люди ползли сквозь нее, как призраки, охая и натываясь друг на друга.

В десятом часу вечера туман достиг такой густоты, что видимость упала до нескольких метров. На Страстной площади словно растворился в пространстве бывший монастырь, ныне занятый университетом имени товарища Сталина, и пропал из виду памятник великому поэту, стоящий напротив. Электрические рекламы «Известия ЦИК СССР» и «Рабочая Москва», светящиеся наверху соседних зданий, едва поблескивали сквозь туман.

– Ох, что делается-то, что делается! – сокрушалась вагоновожатая трамвая, который по черепашьи медленно пробирался по рельсам, заворачивающим на площадь. – Что делается, что делается...

Она яростно дернула за звонок – должно быть, в тысячный раз за нынешнюю смену. Свет трамвайных фар выхватил из тумана лошадиную морду, оказавшуюся в опасной близости от вагона, и бок извозничьего ватника. Столкновения не случилось, но крепкий русский мат огласил зимнюю ночь, и вагоновожатая тоже в долгу не осталась, на каждое слово отвечая двумя, а то и тремя. Это была простого вида женщина лет, должно быть, тридцати – а впрочем, в таком тумане ничего нельзя было сказать наверняка.

– Так и лезут под колеса! – в сердцах добавила она после перепалки, сама хорошенько не зная, к кому обращается.

В вагоне в этот поздний час было всего четыре человека, и ближе всех к вожатой сидел парень в куцем пальтишке цвета не то серого, не то коричневого, не то линялого черного – одним словом, того трудноуловимого оттенка, который, тем не менее, идеально сливается его обладателя с окружающей толпой. Он поднял воротник, надвинул на уши картуз, подбитый мехом неизвестного науке животного, и смотрел в окно, за которым стыл белесый кисель тумана. Иногда незнакомец поворачивал голову к вагоновожатой, и она видела, как блестят из-под козырька его глаза. Бывают глаза-пуговицы, ничего ровным счетом не выражающие, кое-как пришила их природа к физиономии индивида – и выпнула его в мир, не заботясь более о судьбе обладателя пуговиц. Но с незнакомцем дело обстояло совсем иначе: в его глазах читались сообразительность, внимание, сочувствие – и все это побуждало вагоновожатую выговориться, хотя обычно она не страдала излишней словоохотливостью и ее общение с пассажирами не выходило за рамки предписанных ее профессией тем.

– Страстная площадь! – объявила она.

Вагон дернулся и остановился. Трое пассажиров вышли, осторожно ступая, но вагоновожатая знала, что парнишка останется. До сегодняшнего вечера она видела его несколько раз, и он всегда доезжал до Театральной площади – ныне Свердлова, – где пересаживался на другой трамвай.

– Это какой маршрут? – закричал гражданин в солидном пальто с бобровым воротником, подойдя к вагону.

¹ Сейчас ЦУМ.

- Не видишь, что ли? – крикнула вагоновожатая в ответ.
- Ни пса не видать, – отозвался гражданин хладнокровно.
- Шестой трамвай, шестой! До Преображенской заставы...
- А мне первый нужно!

– Ну нужно, так жди... Вагон отправляется! – прокричала вагоновожатая, хоть и видела, что никто не сел; но порядок есть порядок. Она дернула за звонок, перевела рычаги, и трамвай пополз по рельсам дальше.

– Спец² небось, – добавила вагоновожатая, покосившись на своего единственного пассажира. – И на таксо³ деньги есть, а поди ж ты – трамвая ждет... Экономист!

Из седой мглы выкатился грузовик, подмигнул фарами, прополз мимо и провалился в неведомое. Контур его растаял в ночи, словно его и не было, он только померещился тем двоим, что ехали в трамвае. Вагоновожатая вздохнула.

– Я такого тумана с двадцать шестого года не видела, – сообщила она молчаливому пассажиру. Он сдвинул брови, припоминая.

– Это когда все трамваи встали? – спросил он молодым, слегка осипшим на холоде голосом.

– Ну.

– Помню, помню. Но тогда еще хуже было. Вообще ничего не видать.

– Это же мучение – в таком тумане вести, – заворчала жоата. – А случись чего? Я же и отвечать буду. Тьфу, холера, куда ты прешь...

Обозначенный холерой темный автомобиль такси недовольно погудел и укатил в ночь. Вагоновожатой показалось, что в салоне сидит расфуфыренная в пух и прах дамочка, и настроение женщины в трамвае, одетой в полушубок из овчины, определенно не улучшилось от этого зрелища.

– И почему одним все, а другим – ничего? Я вот, к примеру, вкалываю, света белого не вижу. Сестра моя на бирже труда состоит, устроиться не может, работы нет.

– Пособие хотя бы платят?

– Посо-обие... – передразнила собеседника вагоновожатая, не отрывая от дороги напряженного взгляда. – Какое там пособие... 25 рублей. Смех один. В прислугу хотела пойти... как сейчас говорят – в дом-работницы. Не берут! Ну что ты будешь делать...

Трамвай полз по Большой Дмитровке, то и дело звеня, чтобы никто не пропустил его приближения, и незнакомец почувствовал, что его начинают утомлять этот однообразный звон, туман, ночь. Они словно двигались по дну какой-то фантастической молочной реки, и казалось, что вот-вот стекла лопнут и их зальет, задует, что подстерегает снаружи...

– А-ах!

Слабый вскрик – отчаянный скрежет тормозов – вопль вагоновожатой: «Куды! Стой!» Вагон дернулся, по инерции прокатился еще несколько метров, тяжело ворочая колесами, и остановился.

– Ах, боже мой...

Вагоновожатая, всплеснув руками, выскочила из вагона.

– Осторожно! – крикнул пассажир.

По соседнему пути, гремя и посверкивая обледеневшими стеклами, проплыл трамвай, идущий в обратном направлении. На мгновение человек в пальто непонятного оттенка испугался, что взвинченная вагоновожатая может поскользнуться и сама угодить под колеса, но тут она сунулась в вагон.

² Специалист (имеющий образование и получающий гораздо больше, чем рядовой рабочий)

³ В те годы просторечная форма слова «такси»

– Раздавила! – простонала она, хватаясь за голову, закутанную в теплый шерстяной платок.

– Кого?

– Да не знаю я! – отчаянно вскрикнула вагоновожатая. – Баба какая-то... кажется... Что же теперь со мной будет? Как же я... ах...

Губы ее дрожали, в глазах стояли слезы.

– Клянусь тебе, я на нее не наезжала! Она сама повалилась на рельсы... я даже глазом моргнуть не успела!

– Что значит повалилась?

– Да то и значит! Упала, я тормозить... но она слишком близко была... Я же медленно ехала! И звонок все время давала! Как же... ах... за что...

Ужас и отчаяние боролись в ее лице, и пассажир понял, что его собеседница близка к истерике. Он насупился и поднялся с места.

– Вот что: теперь уже все равно ничего не поделаешь. Милицию зови, постового, что ли... Протокол все равно придется составлять, раз несчастный случай...

Кажется, последние слова немного успокоили вагоновожатую, потому что она несколько раз кивнула, сказала: «Ага, я сейчас, я мигом» – и поспешила прочь. Ноги ее в валенках разъезжались.

Пассажир вылез из вагона, нагнулся, тотчас увидел темный след и кровь на колесах вперемешку с какими-то ошметками, буркнул себе под нос нечто невнятное и двинулся вдоль рельсов в обратном направлении. Через несколько шагов он нашел тело, вернее, то, что от него осталось. Да, это, конечно, была женщина, но ни возраста ее, ни каких-либо иных примет понять было невозможно. Пассажир повернул голову в одну сторону, в другую – оба края улицы падали в белую бездну, и не было ей конца.

– Эй! – закричал он, даже не зная, на что рассчитывает и на что надеется. – Женщина попала под трамвай! Кто-нибудь что-нибудь видел?

В одном месте туман потемнел, выплюнул согбенную человеческую фигуру. Древняя старушка бочком, бочком подобралась к жертве, поглядела на нее, охнула «Господи, Иисусе Христе», осенила себя крестом, отшатнулась от пассажира и сгинула бесследно. Через мгновение из тумана выскочила дворняжка и, подбежав к месту происшествия, попыталась слизнуть кровь. Пассажир собаку отогнал. Из тумана соткалась еще одна тень, надвинулась на него, оглушив вонью скверной махорки. По виду дворник. Да, точно дворник.

– Э-хе-хе... Эт, значить, улицу переходила – и под трамвай? Ну, что ж... Говорят, легкая смерть...

И от дворника не было толку – он ничего не видел, понятия не имел, кто угодил под трамвай, и хотел только перекинуться парой слов, язык почесать. Наконец вернулась вагоновожатая, за которой шагал, широко расставляя ноги, высокий серьезный милиционер.

– Она сама под трамвай бросилась, – втолковывала ему спутница. – Я, конечно, сразу же затормозила...

– Откуда вы знаете, что она бросилась?

– А как еще она бы оказалась под трамваем? Я весь свет включила, ехала на малой скорости, не отвлекалась ни на что... Да вот и пассажир подтвердит...

– Знакомый, что ли, пассажир?

– Нет, но на линии я его вижу часто. По работе ездит... Я его документ, – ударение на у, – уж изучила. Из угрозыска он...

Милиционер оглядел тщедушную фигуру пассажира и с сомнением протянул:

– Из угрозыска, значит?

– Даже не сомневайся, – пробурчал незнакомец, доставая удостоверение, по которому он действительно оказался помощником агента московского угрозыска. Зовут Иваном, фамилия

Опалин, документ, судя по его виду, в полном порядке, а не выправлен задним числом, чтобы кататься в транспорте бесплатно.

– Это правда, что жертва сама бросилась под трамвай? – спросил милиционер, возвращая Опалину документ.

– Не знаю, – честно ответил Иван. – В таком тумане... – он не стал договаривать, а только передернул плечами.

– Да-а, туман, – протянул милиционер, почесывая щеку. – Или, допустим, поскользнуться могла... Ладно. В суде разберутся...

Вагоновожатая застонала.

– Три года трамвай вожу – и без происшествий! Никаких нареканий никогда не было... А вот сегодня... И что ей приспичило именно под мой трамвай свалиться! – закричала она с внезапной злобой. – Другие – вон! – на таксо раскатывают, и горя им нет...

Туман волнами наплывал на город. Милиционер, признав невозможность заполнять протокол снаружи, принял предложение дворника переместиться в его каморку. Движение на линии остановилось – ждали, пока закончатся все формальности и уберут тело. Опалин стал в нетерпении поглядывать на часы. Наконец все бумаги были подписаны, труп увезли в Лефортовский морг, и вагоновожатая заняла свое место в трамвае. Из-за перерыва в движении на остановках скопилось большое количество пассажиров, и вскоре вагон был уже полон. На Театральной площади Опалин вышел и стал ждать 24-й трамвай, который должен был доставить его к месту назначения.

Глава 2

Одинокий переулок

Вагон прогрохотал по Госпитальному мосту и устремился к конечной остановке, носившей дивное название Синичкин пруд. Кроме названия, тут не наблюдалось ровным счетом ничего завлекательного. Это была окраина Москвы, так сказать, почти нетронутая двадцатым веком. При свете дня случайному прохожему могло даже показаться, что он находится в веке девятнадцатом, а местами из-под подкладки девятнадцатого выглядывал даже не предыдущий век, а вполне себе петровские времена. Деревянные дома перемежались с бараками, кое-где виднелись патриархального вида избышки с огородами. В сумерках тускло горели редкие фонари, освещая окружающую бедность, безнадежность, неизменность, и начинало казаться, что ничего никогда не было – ни двух революций, ни гражданской войны, ни грандиозных перемен, сотрясших общество сверху донизу. Да, так вот – только петровская грязь, силуэты ветхих строений и равнодушная гладь пруда.

И туман.

Человек, которого звали Опалиным, вышел на конечной. Здесь начиналась так называемая Синичкина слобода, где ютились рабочие железной дороги, пролежавшей неподалеку, крестьяне, которых еще не успел поглотить большой город, да всякие мутные личности. Именно из-за этих последних Иван уже который вечер приезжал сюда.

Путь его лежал в Одинокий переулок, расположенный где-то между прудом и железной дорогой, и хотя Опалин успел хорошо изучить маршрут, сегодня, сойдя с трамвая, он ощутил что-то вроде оторопи. Проклятый туман съел слободу, пруд, дома и деревья с налипшими на сучья султанами снега, и ночь поглотила то, что еще от них оставалось. Так как местность не была избалована обилием фонарей, ощущения одинокого путника были самые сюрреалистические. Четверо пассажиров, которые ехали с ним до конечной, уже удалились в другую сторону, переговариваясь в тумане преимущественно не включенными в словари выражениями. Трамвай погасил часть огней и стоял на путях едва светящейся тусклой клеткой. Подавив соблазн послать все к черту и вернуться, Иван вышел на тропинку, которая вела к пруду, и осторожно двинулся вперед. Руку он держал в кармане, на ручке браунинга, который всегда носил с собой. Воображение, заостренное к тому же непростой профессией, то и дело рисовало ему неприятные картины возможного столкновения с местными хулиганами, каким-нибудь ночным грабителем или, на худой конец, стаей одичавших собак. Он злился оттого, что приходилось двигаться почти на ощупь, и мысленно ругал себя, что не догадался выехать пораньше, чтобы сменить одного из товарищей, которые сидели в засаде в Одиноком переулке, поджидая банду Лариона Стрелка.

«Если бы я только успел на предыдущий трамвай...»

Но тут он подошел к хлипким мосткам, переброшенным через речку Синичку, и, изгнав из головы посторонние мысли, двинулся еще медленнее, свободной рукой держась за перила. Туман возле речки и пруда достигал прямо-таки подушечной густоты.

«Вот свалюсь тут где-нибудь, – подумал Опалин, обреченно сопя, – сломаю ногу, и кричи не кричи – до утра никто на помощь не придет. Или еще лучше: упаду в воду, и поминай как звали. Хотя нет, река же замерзла... Ну, проломлю лед и уйду под воду. В зимней одежде запросто пойду ко дну, камнем...»

Пока молодой человек так размышлял обо всем скверном, что могло с ним приключиться в эту туманную ночь, он оказался уже на другой стороне и двинулся через пустыри, стиснув в кармане рукоятку браунинга.

«Рязанов, конечно, ругаться будет из-за моего опоздания... Может, даже начнет кулаком по столу стучать. Такой уж он человек – вспыхивает, как порох, если что не так... Подвел я их, что и говорить. Из-за бабы под трамваем час потерял, если не больше... Да, я не виноват, но кого это волнует? Ну, расскажу все, объясню, как так получилось, только он даже слушать не захочет. Усов тоже будет злиться – это ведь его я должен сменить, а пока я не пришел, он уйти не может. Шмидт ругаться не станет, только скажет что-то вроде того, что юноша, наверное, задержался на свидании... Какой я ему юноша? А Астахов, конечно, уже спит. Спать в засаде нельзя, но Астахов же – дело известное... сел, привалился к стене и уже дремлет. Только вот все знают, что спит он вполглаза, чуть что – первый на ногах. Да...»

Где-то за домами сипло свистнул локомотив, тяжело задышал, застучал колесами по рельсам. Там располагалась сортировочная станция Московско-Казанской железной дороги, на которой работали многие жители Синичкиной слободы. Приободрившись, Опалин прибавил шаг. Туман редел, но фонари светили еле-еле. Поблизости залаяла собака, потом к ней присоединилась еще одна, невидимая, как первая. Иван чуть не упал, поскользнувшись на ровном месте, и только в последний момент, отчаянно взмахнув руками, сумел удержаться на ногах.

«Ах ты...»

Дальше он двинулся медленнее – все равно Одинокый переулочек был уже близко. Впрочем, если говорить начистоту, какой это переулочек – так, одно название. Совсем небольшой, домов – раз-два и обчелся. Тот, который был нужен Опалину, стоял на отшибе и вдобавок как-то нескладно, почти что повернувшись к переулочку углом. Неприметное деревянное строение, на окружающих улочках таких много, и в этом ничто не привлекает взгляд. Дом-невидимка – особенно сейчас, когда ночь и туман. Ни одно окно не светится, но так и должно быть.

Опалин обошел строение и постучал условленным стуком в дверь черного хода. Никто не открывал. Иван подождал, постучал громче. Но, как он ни прислушивался, не мог уловить в глубине дома ничего, похожего на движение.

«Они что, на морозе меня держать решили? За то, что опоздал? Ну, Рязанов...»

Начиная сердиться, он дернул дверь на себя – и тут только заметил, что она не заперта. Бум, глухо стукнуло сердце в груди. Вмиг став очень серьезным, Опалин вытянул браунинг из кармана и, стараясь производить как можно меньше шума, протиснулся в щель между дверью и косяком.

Сердце бешено стучало, отдавая в виски, половицы слабо поскрипывали под ногами, но взвинченному Опалину казалось, что они грохочут, как пушки. В коридоре и комнатах, через которые он шел, никого не было; в гостиной мирно постукивали маятником настенные часы. Они показывали 11.17. «Усов уже не успеет на последний трамвай», – мелькнуло в голове у Опалина, и когда он прошел в следующую комнату, то убедился, что Усов, точно, никуда уже не успеет. Он сидел у стола с простреленной головой, крепко Астахов полулежал в кресле, тоже мертвый, бородатый Рязанов скорчился на полу, светловолосый Шмидт лежал между столом и окном, и изо рта его текла кровь.

– Сонька! – бешено заорал Опалин, забыв об осторожности. – Сонька!

Сонькой звали хозяйку дома, по документам Порфирьеву; точнее, по нынешним документам, потому что как ее звали на самом деле – никто уже не знал и не помнил. Угрозыск долго пытался выйти на след Стрелка, наконец с большим трудом удалось выйти на Соньку, через которую рассчитывали добраться до знаменитого бандита и его товарищей, устроили засаду в ее доме – и вот...

Иван бросился искать сообщницу Стрелка, но вскоре убедился, что ее и след простыл. Спальня Соньки хранила следы лихорадочных сборов: ящики комода были вывернуты, шкатулка, в которой она хранила свои украшения и золотые царские рубли, исчезла. Леденя от ненависти, от сознания собственного бессилия, от ощущения головокружительного провала,

Опалин вернулся в комнату, где лежали его убитые товарищи, – и обомлел. Шмидт, приподняв голову с пола, из последних сил пытался что-то выговорить.

– Генрих! – Опалин бросился к нему, стал дергать скатерть со стола, чтобы соорудить повязку на раны. – Генрих, это я, Ваня! Ты меня слышишь? Как они смогли к вам подобраться? Генрих! Скажи хоть что-нибудь!

Но Шмидт, глядя куда-то мимо Опалина, забормотал что-то на немецком, которого Иван не понимал.

– Генрих! – Опалин был готов завывать от отчаяния. – Это Стрелок? Его люди? Скажи мне хоть что-то, чтобы я мог их поймать, только не на немецком! Генрих, умоляю тебя... Говори по-русски! Пожалуйста! Как они это сделали?

Взгляд его товарища на мгновение задержался на искаженном лице Опалина, и у того мелькнула надежда, что Шмидт пытается сосредоточиться.

– Арка, – едва слышно выдохнул раненый, и голова его упала на пол. Взгляд застыл. Он был мертв.

Глава 3

Подозрительное лицо

Утром 4 февраля помощник агента угрозыска Иван Опалин шаркающей походкой смертельно уставшего человека вошел в коммуналку, в которой жил. Соседка, попавшаяся ему в коридоре, со страхом поглядела на его разбитую губу и фингал под глазом, но от вопросов воздержалась, а Опалин прошел напрямик в ванную. Там он долго мыл лицо и руки, а когда посмотрел на себя в зеркало, оттуда поглядел кто-то незнакомый и недобрый, с напряженным взглядом исподлобья. И у Ивана возникло ощущение, словно он разом постарел на десяток лет.

Для его неполных двадцати это была нешуточная ноша. Еле волоча ноги, он прошел в свою комнату, избавился от верхней одежды и стал стаскивать сапоги. Они снимались с трудом, и у Опалина в какой-то момент сдали нервы. Ему неудержимо захотелось швырнуть сапоги в стену, вскочить с места, что-нибудь сокрушить. Удержало его только соображение, что комната была не вполне его – Опалина пустил к себе жить коллега, с которым он крепко подружился на работе. Человек этот болел туберкулезом и находился сейчас в больнице, где вчера Иван его навещал. Из больницы он поехал в Одинокый переулок, а что произошло дальше, читателю уже известно.

Опалин лег, повернувшись лицом к стене. Он не спал всю ночь, но сейчас сон не шел к нему. Стоило ему закрыть глаза, и он снова видел туман, умирающего Шмидта, слышал скрежет трамвайных тормозов, отчаянный крик вагоновожатой и вслед за этим вспоминал, как выбежал вчера из домика в Одиноком переулке, чтобы найти телефон и вызвать муровцев. На шоссе Опалин с трудом остановил грузовик, размахивая своим удостоверением, и добился того, чтобы шофер довез его до 35-го отделения милиции. Оттуда Иван позвонил в Московский уголовный розыск, сокращенно МУР, и доложил о случившемся.

Первые агенты появились на месте уже после полуночи, затем машина угрозыска доставила экспертов, которых пришлось вытащить из постели. С ними приехал Келлер – крупный белокурый немец с квадратным лицом, друживший со Шмидтом, а также Карп Логинов, которого обычно называли Петровичем, потому что свое имя он не любил. Последний стал задавать Опалину вопросы, и Иван объяснил, почему он опоздал сменить Усова. Петрович выслушал его, как казалось, без особого интереса, и стал допытываться, что именно Шмидт успел сказать ему перед смертью.

– Он говорил что-то вроде: мути или муть, – бормотал Опалин, хмуря лоб. Келлер, который блуждал поблизости, меряя гостиную гигантскими шагами и свирепо зажав во рту папиросу, круто повернулся к нему.

– Муттер?

– Да, кажется, так, – подтвердил обрадованный Иван, – а что это значит?

– Мама, – мрачно ответил гигант. – Он маму звал. Что еще он говорил?

Опалин напряг память.

– Шербет, кажется, – сказал он неуверенно. – Не совсем, но что-то похожее.

– Их штербе? – сверкнул на него глазами Келлер.

– Вроде да, а это что значит?

– «Я умираю», – перевел Петрович, бросив на Келлера предостерегающий взгляд. Но Бруно Келлер не принадлежал к числу тех людей, на которых можно воздействовать таким образом. В прошлом он воевал, потом сражался с бандами на окраинах бывшей империи, имея в своем распоряжении только устаревшее оружие, в то время как у банд были пулеметы и сообщники в каждом селе. В лице Келлера московский угрозыск приобрел ценного и опыт-

ного сотрудника. Он считался хорошим товарищем и был уравновешенным, как истый немец, но если выходил из себя, коллеги предпочитали не показываться лишней раз ему на глаза.

– Я никогда не слышал, чтобы он говорил по-немецки, – пробормотал Иван. – Он же всегда по-русски говорил, и вообще...

– Перед смертью человек часто возвращается к своему родному языку, – сказал Петрович спокойно. – Он еще что-нибудь сказал?

В гостиную, по привычке наклонив голову, хотя дверной проем позволял пройти свободно, вошел высокий и худой агент по фамилии Назаров. В пальцах он держал что-то вроде визитной карточки.

– Лежала возле стола, – пояснил он, передав карточку Петровичу. На ней кудрявым, вычурным почерком было написано:

«Работникам угрозыска
на память
от Лариона Стрелка».

«Это, значит, я скатерть дернул, чтобы Шмидта перевязать, и карточка упала на пол, – мелькнуло в голове у Опалина. – А я ее даже не заметил...»

Келлер бросил взгляд на карточку, и его массивная нижняя челюсть дернулась. Он грязно выругался – сначала по-русски, а потом по-немецки.

– Ларион в своем репертуаре, – вздохнул Петрович, возвращая карточку Назарову. – Приобщи к уликам, Валя.

Агент удалился. Половицы под его сапогами пели на разные голоса.

– Мне все-таки интересно, – продолжал Логинов, поворачиваясь к Опалину, – как они это провернули? Ты заметил, что ребята даже не успели оружие достать?

Иван кивнул.

– Странно, очень странно, – продолжал Петрович, потирая подбородок. – Все-таки Рязанов – настоящий профессионал... был профессионалом, – быстро поправился он, морщась. – Шмидт тоже. Астахов... ну, любил поспать человек, но сон у него был чуткий. Усов – молодой парень, но тоже не в одной засаде сидел.

– Да Сонька им помогла, конечно, – вмешался Келлер нетерпеливо. – Как-то их отвлекла и впустила бандитов с черного хода. Или передала Стрелку, что его здесь ждут. Или... – он дернул щекой, крутанул головой, словно отмахиваясь от какой-то неприятной мысли, и его светлые глаза стали злыми, стальными и острыми, как лезвия.

– Шмидт перед смертью еще кое-что сказал, – подал голос Опалин.

– И что это было? – повернулся к нему Петрович.

– Арка.

– Арка? – повторил озадаченный Логинов.

– Ну да.

– И что это значит? – спросил Келлер, нахмурившись.

– Я думал, ты скажешь, – пробормотал Опалин.

– Не тыкай мне, щенок! – неожиданно взвился немец. – Ты пришел, а его убили! Их всех убили, пока ты где-то прохлаждался! Или ты знал? Знал, да? Какого черта?..

Иван понял не сразу, но когда сообразил, о чем идет речь, то побагровел так, что стало трудно дышать.

– Ты что, меня обвиняешь, что ли?

– А почему бы и нет? Удачно ты опоздал, ничего не скажешь! Пришел бы вовремя – пристрелили бы тебя, как остальных...

– Бруно, не стоит, – попытался вернуть на землю коллегу Логинов. Но разбушевавшегося немца было уже не остановить.

- Что это за выдумки? Какая еще арка? – напустился он на Ивана.
- Я ничего не выдумывал!
- Тебя не было, когда их всех убивали! Ты...
- Да пошел ты!

Келлер размахнулся, чтобы врезать Опалину, но тот увернулся и ударил первый. Завязалась драка – нелепая, но оттого не менее ожесточенная. Впрочем, она получилась короткой, потому что шум немедленно привлек внимание тех, кто находился в доме. Распахнулась дверь, стукнувшись о стену, загрохотали сапоги по половицам. Вбежавшие в гостиную коллеги растащили Келлера и Опалина, но немца знали лучше и держали не так крепко, так что напоследок он успел пару раз угостить своего противника, который уже не мог ему ответить, так как его схватили крепко. И воспоминание об этом теперь жгло душу Ивана не меньше, чем подозрение, что он каким-то образом причастен к убийству своих товарищей.

– Хватит! – заорал Логинов, выйдя из себя. – Все! Валя, уведи Бруно, – велел он Назарову. – Ты! – Он повернулся к Опалину, буравя его взглядом, и тот неожиданно понял, что все это время Петрович тоже подозревал его, только виду не подавал. – Останься. Есть разговор.

Бруно вывели в соседнюю комнату, товарищи вышли с ним вместе, и в гостиной остались только Логинов и Опалин. У Ивана была рассечена губа, он стал вытирать кровь, но только размазывал ее.

- Платок с собой надо носить, – сказал безжалостный Логинов. – Сдавай оружие.
- Почему?
- Потому. Ты под подозрением.

– Я же сказал: трамвай переехал женщину, и потому я задержался, – мрачно сказал Опалин. Его душило ощущение абсолютной несправедливости всего происходящего, и еще не оставляло смутное чувство, что, оправдываясь, он только увязает в тине подозрений и делает себе хуже.

- Нам придется все проверить, – буркнул Логинов. – Таков порядок. Сдай оружие.

Опалин мрачно засопел, расстегнул пальто и достал из-под него тяжелый, неудобный наган, который выдали ему при зачислении в угрозыск. Петрович взял оружие и, видимо сомневаясь, взвесил его на руке.

- Второй тоже отдай, – потребовал он.
- Какой второй?
- Браунинг. Который ты с собой таскаешь.

– Не дам, – огрызнулся Опалин и поглядел совершенно по-волчьи. Браунинг был его собственным оружием, к которому он привык. Да что там привык – мыслил уже как часть себя, без которой и по улице не пройдешь.

- Дурак, – вздохнул Логинов. – Дай его мне на минуту. Обещаю, я его верну.
- Вернешь?
- Верну.

– А то мне нельзя без ничего ходить. Вдруг кто встретится... старый знакомый какой-нибудь. У меня их много...

Петрович кивнул, показывая, что он все понимает, спрятал наган и протянул руку. Сомневаясь, Опалин отдал ему браунинг. Логинов понюхал оружие, вытащил обойму, осмотрел ее, понюхал снова. Внимательно посмотрел на Опалина, вернул обойму на место и отдал пистолет собеседнику.

- К Соньке при тебе кто-нибудь приходил?
- Я ж докладывал. Не было никого.
- А возле дома шлялся кто-нибудь?
- Только соседи, которые к себе возвращались. Они тут не задерживались.
- Красивая она?

– Да, ничего.

– А Усов говорил – красивая баба, – Логинов, ожидая ответа, почесал щеку. – Глазки тебе строила.

Опалин насупился.

– Ну, было дело.

– И что ты?

– Ничего. Кто меня учил – не связывайся с грязью, пожалеешь?

– Я тебя учил? – искренне изумился Логинов.

– Ну не меня, но говорил при мне кому-то. Я и запомнил.

– Надо же, какой ты, Ваня, – сказал Петрович после паузы. – И запомнил, и как руководство к действию... – не договорив, он залез в карман и достал оттуда чистый новый платок. – На, вытри кровь. Взамен купишь мне другой платок. Теперь вот что: поезжай домой. Здесь тебе больше делать нечего. Дома отдохни, отоспись... Понадобишься – я тебя вызову.

Опалин поглядел на часы на стене:

– Третий час ночи. Трамваи не ходят.

– Скажи Жукову, пусть он тебя отвезет, – Жуков был их шофер.

Но Жуков согласился довезти Опалина только до Садового кольца. Туман уже начал редеть. Юноша завернул в ночной ресторанчик, где рассчитывал найти свою знакомую, но ему сказали, что она буквально несколько дней назад вышла замуж и уволилась. Впрочем, ему разрешили посидеть при кухне, и на первом трамвае он вернулся к себе.

Лежа на кровати, он заворочался, подтянул подушку, чтобы удобнее было лежать, и пару раз ткнул в нее кулаком, чтобы стала помягче. «Стрелок... Скотина... Еще и карточку свою глумливую оставил... Убью. Найду и...»

Опалин засыпал, но в голове его крутились все те же обрывки мыслей, неотвязные, мучительные, упорные.

«Где-то же он прячется... Куда-то подается после сегодняшнего... Сонька с ним... если он не решит от нее избавиться... И бандиты его... Человек оставляет следы. Несколько человек – еще больше... Как они ни осторожничают, всегда попадают на одних и тех же ошибках... Можно найти? Можно...»

И он уснул.

Глава 4

Подробности

Дом в Большом Гнезниковском переулке, занятый службами угрозыска, не засыпал никогда, и поздний вечер 4 февраля не стал исключением. В одном из кабинетов, где под потолком до сих пор сохранились лепные амуры, поселившиеся тут еще в ту счастливую пору, когда особняк принадлежал самой обыкновенной семье, сидели трое. Первым был Карп Петрович Логинов, вторым – шкафоподобный Бруно Келлер, на скуле которого красовался переливающийся всеми оттенками счастья синяк, а третьим – сосредоточенный немолодой гражданин, которого звали Терентием Ивановичем Филимоновым. До революции он работал в полиции, а после нее оказался в угрозыске, несмотря на то, что отношение к старым специалистам в это время было, мягко говоря, настороженное. Ходили, впрочем, слухи о том, что Филимонов не так прост, что где-то наверху у него есть не то друзья, не то покровители, не то он кому-то оказал серьезную услугу, не то... Одним словом, сплетен было море, но толком никто ничего не знал, кроме того, что Терентий Иванович в высшей степени профессионален, вполне успешно борется с преступностью и не замечен ни в чем предосудительном. Именно его люди занимались поимкой банды Стрелка, и теперь, когда банда ускользнула, а четверо агентов погибли, по коридорам тесного старого особняка зазмеился новый виток слухов. Шептались, что у Филимонова серьезные враги, что его снимут, а то и хуже, что ему вот-вот припомнят службу при царском режиме, что... Но по лицу старого сыщика, когда он сидел сейчас за своим массивным бюро красного дерева, потирая пальцем висок, невозможно было прочесть, что ему грозят какие-то неприятности, что он вообще о чем-то беспокоится или тревожится о своей судьбе. Форма сотрудника уголовного розыска сидела на нем, как генеральский мундир.

– По поводу происшествия с трамваем, – продолжал Петрович, – мы проверили.

Бруно, слушая его, заерзал на месте.

– Действительно, на Большой Дмитровке трамвай перерезал девушку, которая оказалась Евлаховой Галиной Аристарховной, 1910 года рождения. Помощник агента Опалин действительно ехал в вагоне, который ее сбил, и дал показания милиционеру Потемкину. Произошла остановка движения по всей линии, из-за чего Ваня опоздал на место. Таким образом, он сказал правду, рассказ его подтверждается фактами, и... – Логинов метнул взгляд на нахохлившегося Келлера и прочистил горло. – Кхм! Предлагаю вернуть помощника агента Опалина на работу, – бодро заключил он.

– Бруно Карлович? – подал голос Филимонов, поворачиваясь в сторону немца.

Тот нахмурился еще сильнее, хотя, казалось, это было решительно невозможно.

– Не нравится мне все это, – проговорил он упрямо. – Вы говорите: факты. Я не спорю. Но ситуация странная! Их всех перестреляли, как зайцев! – выпалил он с ожесточением, и по лицу его было видно, что эта мысль не дает ему покоя. – А Опалин уцелел...

– Что сказали эксперты? – спокойно спросил Терентий Иванович, повернувшись к Логинову.

– Эксперты... м-м... – Петрович завозился, достал из кармана сложенную вчетверо бумажку и развернул ее. – Я жду подробного отчета, но пока... Стреляли из нескольких видов оружия. Предварительно маузер, браунинг – один или несколько – и пара ружей или обрезов. В комнате две двери, те, кто стрелял, вошли в обе. Под окном следы: там тоже кто-то стоял, караулил, чтобы никто не выскочил. Астахова убили наповал. В Рязанова всадили пять пуль, две – в Усова. В Шмидта три, – добавил он, покосившись на профиль Бруно со сплюснутым в какой-то стычке носом.

Келлер угрюмо смотрел в угол.

– Столько выстрелов, – сказал Филимонов, – и никто из соседей ничего не слышал?

– Слышали, – буркнул Логинов, сворачивая бумажку. – Но выходить побоялись. У Сонькиного дома дурная слава.

– Так, так. И что ж, никто ничего не видел?

– Один из соседей выглянул в окно, но ничего не увидел, кроме тумана. Да и ночь была.

– Исходя из количества единиц оружия, – рассудительно заговорил Терентий Иванович, – и из того, что кто-то стоял под окном, в банде как минимум пять человек. Вопрос: на чем они добрались до Одинокого переулка?

– Мы опрашиваем вагоновожатых, – сказал Петрович. – Назаров этим занимается.

Келлер зло усмехнулся.

– Бесполезно... Не станут они на трамваях ездить.

– Извозчик? – живо спросил Логинов.

– Конечно, и не просто извозчик, а свой. Может, даже шофер, – немец недобро покривил рот. – Но меня больше интересует, как они смогли незамеченными подобраться.

– Туман, – напомнил Петрович.

– Хорошо, туман, а половицы?

– Что половицы? – машинально спросил агент и тут же понял, что допустил ошибку.

– Ты что, не заметил, как скрипят половицы в доме? Бандиты же вошли в дом! Почему никто ничего не услышал? Почему Астахов проворонил этот момент? Он же все примечал, даже сквозь сон...

– Мы недооценили Соньку, – удрученно сказал Петрович после паузы, потирая подбородок. – Это она их провела.

– Нет! – желваки заходили ходуном на квадратном лице немца. – Им помог кто-то из наших. Сонька не могла... Одна она бы не справилась!

– Слушай, я понимаю, тебе не нравится Ваня... – начал Логинов.

– При чем тут нравится-не нравится, – огрызнулся Келлер, – мало, что ли, я видел слушаев, когда наши помогали бандитам... и отпускали их, и улики уничтожали, и своих сдавали, и чего только не было! Мы до сих пор как на войне, и никому не можем доверять... Ты же знаешь, я ничего против Опалина не имею! Парень как парень, вроде старательный, схватывает все на лету... но то, что он единственный уцелел... Я тебе как на духу скажу: если бы мой лучший друг остался жив в такой ситуации, я бы и его стал подозревать! Очень уж вовремя он опоздал...

– Но девушка действительно попала под трамвай, – напомнил Петрович, которого уже стала утомлять эта дискуссия.

Немец мотнул головой.

– Повезло! Совпадение, понимаешь? Не было бы ее, он бы что-нибудь придумал... Сказал бы, что заблудился! А что? Ты же видел вчера, на что там все похоже в тумане... В трех шагах ни черта не видно!

Логинов заколебался. В глубине души он не верил в виновность Опалина и к тому же подозревал, что Бруно наводит тень на плетень, чтобы избежать выговора за драку с товарищем. Дисциплина для Терентия Ивановича была вовсе не пустым звуком, и все знали, что в этом смысле он строг до чрезвычайности. Но Келлер говорил так уверенно, что Петрович начал чувствовать некоторые сомнения. Он не хуже остальных знал, как надо расследовать дела, и в данных обстоятельствах Опалин – вне зависимости от того, был он действительно виновен или нет, – должен был оставаться на подозрении до тех пор, пока дознание не установит его непричастность.

– Когда Опалин пришел, агент Шмидт был еще жив и успел сказать несколько слов, – начал Логинов, отчасти для того, чтобы сменить тему. – Только я не уверен, что они могут иметь какое-то значение для расследования.

И он пересказал все, что им удалось расшифровать из слов умирающего.

– Это все понятно, – заметил Филимонов, слушавший его внимательно, – но при чем тут арка? Почему арка?

– Может быть, не арка, а арг – скверный, злой? – проворчал Келлер. – Просто Ванька опять его не понял... Если, конечно, он вообще все не придумал.

– Арка – это слишком сложно для Опалина, – возразил Петрович, в котором разыгрался дух противоречия. – И зачем ему что-то придумывать? Он мог просто сказать, что Генрих ничего не говорил... Если Ваня действительно заодно с бандитами, во что лично я не верю.

Терентий Иванович усмехнулся.

– Кажется, вы упускаете из виду, что о засаде знал не только Опалин. Знали о ней и остальные сменщики. Верно?

– Э-э... да, – пробормотал Логинов. – То есть Бруно, Валя Назаров и Вася Селиванов. Он сейчас в больнице, но пару смен он в засаде отсидел. Затем его место занял Опалин, которого изначально привлекать не собирались. Рязанов от сменщика отказался и все время был на месте...

– Послушайте, – вмешался немец, которому крайне не понравилось, что только что прозвучало его имя, – это несерьезно... Половина угрозыска знала о том, что мы охотимся на Стрелка.

– Нет, – коротко ответил Филимонов, и на виске его дернулась жилка.

– Ну хорошо, не половина, – тотчас же отступил Келлер, – но многие знали. Работаем вместе, сидим в одном здании...

– Знать-то они, положим, знали, а детали? Где засада, у кого, когда агенты меняют друг друга? Тут, видите ли, тонкостей много. – Терентий Иванович усмехнулся одними губами, глаза его оставались серьезны. – Я не говорю, что кто-то не мог сболтнуть лишнего. Но между «сболтнуть лишнего» и сделать так, чтобы сведения дошли до нужных ушей, большая разница. Вы понимаете меня?

Логинов понимал, что на него взвалили непростую задачу, что ему придется хорошенько попотеть, прежде чем он найдет виновного, и ограничился тем, что отвел глаза и стал смотреть на портрет Ленина на стене. Вождь с прищуром и даже некоторым вызовом взирал на присутствующих и, казалось, был бы не прочь выйти из рамы и начать распекать их лично.

– Я хочу сразу же внести ясность, – начал немец, волнуясь и подавшись вперед. – Я ни с кем не говорил о засаде в Одиноким переулке. Я никому не сообщал ни о Соньке, ни о Стрелке, ни о том, что с ними связано. Я не могу запретить вам подозревать меня... так сказать, на общих основаниях... но вы только зря потеряете время. Генрих был моим другом. Если вам надо объяснять, что такое дружба...

– Бруно Карлович, – негромко проговорил Филимонов. В тоне его не было ни укоризны, ни чего-либо подобного, но Келлер покраснел, умолк и только переместился на стуле, отчего тот протяжно заскрипел.

Терентий Иванович поглядел на часы.

– Однако поздно уже... Бруно Карлович, не смею больше вас задерживать.

Это означало, что начальник собирается говорить с Логиновым наедине. Келлер поднялся, неловко поклонился (в то время старые манеры еще сохранялись и причудливо соседствовали с новыми) и, пробормотав скороговоркой несколько слов на прощание, скрылся за дверью.

– Я буду вам признателен, Карп Петрович, – как всегда веско и рассудительно заговорил Филимонов, – если вы разъясните товарищу Келлеру недопустимость его поведения. Нельзя

кидаться на коллегу без достаточных доказательств... да и с доказательствами тоже не стоит, – добавил он, хмурясь.

– Значит, я возвращаю Опалина? – встрепенулся Логинов. – Людей у меня мало, сами понимаете...

– Нет, – неожиданно ответил старый сыщик.

В комнате воцарилось молчание. Пухлощекие амурсы гипсовыми глазами смотрели из-под потолка на собеседников.

– Опалин должен быть отстранен от расследования этого дела, – проговорил Терентий Иванович после паузы. – Это значит никто с ним не делится информацией и никуда его не привлекает, ни при каких обстоятельствах. И вас я настоятельно прошу за этим проследить.

– Но, товарищ Филимонов... – забормотал Логинов и угас.

– Дайте ему понять, что в его же интересах сидеть тихо. Займите его чем-нибудь не очень сложным, чтобы он не путался у вас под ногами... И проследите, что он будет делать. Только аккуратно, чтобы он не заметил.

Слушавший до того начальника с некоторым удивлением Петрович начал понимать, куда клонит его собеседник.

– Вы хотите сказать...

– Если человек невиновен, он ведет себя соответственно. Если виновен – опять же... Возможно, Бруно Карлович не прав насчет Опалина, но он, скорее всего, прав насчет предательства. Кто-то помог Стрелку и его людям...

– Мы будем его искать, – пообещал Петрович. – Я имею в виду Лариона. И его сообщников тоже.

Терентий Иванович саркастически усмехнулся.

– Я думаю, он уже далеко. Но вы правы: уверены мы быть не можем. Задействуйте осведомителей, вообще всех, кого только можно... Я на днях буду говорить наверху, чтобы нам увеличили бюджет. Обещайте деньги за любые сведения, которые к нему приведут. Поймать его теперь – дело чести... если вы понимаете, что я имею в виду.

Логинов кивнул. Он все понимал, и ему ничего не нужно было объяснять лишний раз.

– Келлера к Опалину не приставляйте, – неожиданно добавил Филимонов, – не стоит. Это может плохо кончиться. Пусть кто-нибудь другой за ним следит. – Он внимательно посмотрел на собеседника и добавил: – Я, как и вы, не верю в то, что он виновен. Но вы же знаете, что в нашем кругу что-то скрыть невозможно. Бруно Карлович не умеет держать язык за зубами, и... могут быть обстоятельства, при которых эту историю попытаются использовать против нас. Против вас, против меня, против Ивана Григорьевича. – Старый сыщик был крайне щепетилен и всех сотрудников величал не иначе как по имени-отчеству, пусть даже речь шла о таком юнце, как Опалин. – Поэтому хорошо будет, если любым домыслам мы сможем противопоставить факты.

– Но если кто-то помог бандитам и это не Опалин... – начал Петрович.

– Вот именно. Первое – была ли помощь вообще, и второе – если да, то кто именно помогал. Я говорил о сменщиках, мы все знаем их много лет, но... Впрочем, Бруно Карлович уже изложил, что бывает в нашем деле. В данных обстоятельствах мы ни в ком не можем быть уверены.

– Тогда их всех надо отстранить, – буркнул Логинов, не удержавшись.

– На основании чего? И потом, кто будет работать?

– Но ведь Опалина вы отстраняете.

– Это временная мера. Я бы не пошел на нее, если бы Келлер не поднял шум, – Филимонов выдержал паузу и добавил: – Вы же понимаете, Карп Петрович, с меня спросят. Но это вовсе не значит, что я собираюсь сваливать все на Опалина, если он невиновен.

«А как узнать, кто виновен, кто невиновен, – думал расстроившийся Логинов. – Точно один Стрелок мог бы сказать, да только ищи его теперь...»

– У вас очень сложная задача, Карп Петрович, – продолжал начальник, словно прочитав его мысли. – И строго между нами – я не знаю, удастся ли вам ее разрешить в отсутствие Стрелка. Сколько он уже бегает после амнистии – два года? И никак его не можем поймать, – Терентий Иванович поморщился. – А ведь всем, кто хоть что-то смыслит в криминалистике, было ясно, что его не следует отпускать, потому что он опять возьмется за старое. Нет, выпустили. Вы понимаете, сколько людей было бы сейчас живо, если бы он сидел? Не только Рязанов, Усов, Шмидт, Астахов, но и многие, многие другие...

– Да попадется он, – буркнул Логинов, опустив плечи. – Рано или поздно попадется...

– Вам нужны будут люди, – сказал Терентий Иванович. – Попробую поговорить с Твердовским, чтобы он выделил своих... Ладно, Карп Петрович, на сегодня хватит, – он потушил лампу, которая горела на его столе. – Спокойной ночи.

Логинов поднялся, отдал честь по-военному и отправился к себе, временно решив не думать о деле Стрелка, о подозреваемом Опалине, о сложностях, которыми было чревато предстоящее расследование, и вообще обо всем на свете, что имело отношение к работе. В известном смысле Карп Петрович был фаталистом и считал, что очередной день принесет что-то новое, а если нет, то произойдет еще что-нибудь, что им поможет. С этой мыслью он вернулся в свою коммунальную квартиру и до отхода ко сну говорил с женой исключительно о домашних мелочах.

Глава 5

Друзья

Опалину было тяжело.

Он поздно заснул, и день для него превратился в ночь. Несколько раз он просыпался, потом снова проваливался в сон, как в яму, и, когда пробудился окончательно, было уже далеко за полдень. Первым чувством, которое он ощутил, был голод, но уже в следующее мгновение к нему присоединилась обида. Опалин вспомнил все, что произошло вчера, машинально потрогал синяк под глазом и скривился – больше от моральной боли, чем от физической.

Он был еще очень молод, и хотя дети, заставшие революцию и гражданскую войну, выросли быстро, Опалин не успел – или не смог по своему душевному складу – обзавестись защитным панцирем, который каждый выстраивает по-своему, сталкиваясь с жизненными невзгодами и испытаниями, и который так резко отличает человека по-настоящему взрослого от того, кто еще набирается ума-разума. Панцирь этот, на первый взгляд, состоит из общих мест вроде «надо жить», «ничего, и не такое бывало», «надо стиснуть зубы и идти дальше» – неосознанных, но, если можно так выразиться, приучающих к стойкости, терпению и осмотрительности. Несправедливость того, что случилось в Одинокое переулке, больно ранила Опалина – и даже не потому, что задевала лично его, а потому, что именно была несправедливостью. Она засела в его душе, как заноза, и, умываясь, чистя зубы и приводя себя в порядок, он уже решил, что сделает все, чтобы ее исправить.

Он поел в ближайшей столовой, потом еще купил французскую булку и, идя по улице, жевал ее на ходу. Москва, очистившись от туманного морока, приобрела свой привычный вид человеческого муравейника, в котором равнодушно сталкиваются и так же равнодушно расходятся миллионы людей, чуждых друг другу. Проходя мимо почтового отделения с телефоном-автоматом, Опалин на мгновение заколебался, не позвонить ли ему на работу, но гордость высказалась против, и он не стал ей перечить. В нем легко уживались самые противоположные качества, и в зависимости от обстоятельств он давал волю то одному, то другому. Он сел на трамвай, потом перебрался на другой и вскоре оказался возле длинного серого здания больницы, в которой лечился его друг и товарищ по комнате Вася Селиванов. Некоторое время тому назад у него открылся туберкулез, Вася лечился, возвращался на работу, потом снова начинал кашлять кровью и отправлялся долечиваться. Опалин навещал его, но сегодня для посещения имелась еще и особенная причина: он хотел посоветоваться с другом, что ему делать.

Вася лежал на кровати, читая журнал «Всемирный следопыт», который, судя по обложке, до него успела изучить как минимум половина больницы. Завидев Опалина, Вася отложил журнал и улыбнулся. Улыбка у него была хорошая, но что-то в ней имелось такое – то ли грусть, то ли обреченность, – отчего гостю сделалось остро не по себе. Сам-то он чувствовал себя здоровым, как бык, и ему было нестерпимо, что он никак, никоим образом не может поделиться своим здоровьем с Васей, который был хорошим человеком, хорошим другом и тем не менее (как сказал Опалину врач еще в прошлом году) умирал. «Каверны... третья стадия... при самом благоприятном течении болезни...» Но тут Иван спохватился (ему не раз делали прежде замечание, что занимающие его мысли, как в зеркале, отражаются на его молодом, открытом лице) и, волевым усилием запретив себе думать о том, что его мучило, заставил себя улыбнуться. Он осторожно пожал руку Васе, осмотрелся, взял старый стул с изогнутыми ножками, стоявший между кроватями, поставил его поближе и сел.

– Интересный журнал? – спросил гость, подбородком и движением головы показывая на пеструю, измятую и кое-где надорванную обложку «Всемирного следопыта».

– Да, знаешь, когда лежишь в больнице, самое оно, – ответил Селиванов, вглядываясь в его лицо. – Приключения разные, и вообще... Это тебя Бруно так изукрасил?

– Ты уже знаешь?

Больной усмехнулся.

– Ко мне Петрович сегодня приходил.

– Да? Чего хотел-то? – напряженно спросил Опалин.

– Да я и сам не понял. Ребят жалко. И как Рязанов мог так лопухнуться? С восемнадцатого года в угрозыске, кого только не ловил...

Но у Опалина не было никакого желания обсуждать сейчас Рязанова.

– Келлер решил, что я вчера опоздал, потому что их предал. Но это не так! Вася, ты мне веришь?

– Да не дергайся ты, – проворчал Вася, который знал своего товарища и видел, как он переживает. – Я не просто верю – я знаю, что ты ни при чем. Бруно дурак.

– Дурак не дурак, а они ему поверили, – выдал Опалин то, что мучило его со вчерашнего дня. – Петрович мне велел оружие сдать. Ты ж понимаешь, что это значит.

– Ничего не значит, – отрезал Вася. Он завозился, усаживаясь в постели, и Опалин, спохватившись, вскочил и стал перекладывать подушки, чтобы больному было удобнее. Селиванов жестом пытался его остановить, давая понять, что справится сам, но Опалин не вернулся на место, пока не счел, что сделал все, что нужно. – Войди в их положение. Подозревать – да, они имеют право. Но доказательств у них нет и быть не может, если ты ни при чем.

Опалин знал, что и подозревать его права не имеют, потому что он невиновен; и только скрепя сердце он мог стать на точку зрения, которая требовала от него доказательств очевидного.

– Вася, как ты думаешь, Стрелка поймают?

– Петрович-то? – Селиванов усмехнулся. – Петрович – нет. Ну, может, ему очень повезет, тогда да. А так...

В угрозыске все знали, что Логинов – человек опытный и товарищ неплохой, но звезд он с неба не хватал и был более трудолюбив, чем талантлив. А в деле ловли преступников талант нужен не меньше, чем, допустим, при создании картины или поэмы. Опалин шмыгнул носом и надулся.

– Если они его не поймают, то так и будут меня подозревать, – буркнул он, насупившись. – Вот что противно, – и без перехода: – Вася, я хочу взять Стрелка.

– Ваня, не пори горячку...

– Я не порю горячку, я все обдумал. Надо брать его и трясти, откуда он узнал о засаде?

– Тогда обдумай вот что, – заговорил Селиванов резче, чем намеревался, – Стрелок свободен, как птица, куда захотел – туда и подался. Он уже наверняка убрался из Москвы вместе со своей кодлой и Сонькой. А ты – сотрудник московского угрозыска. Да, тебя могут командировать в другой город, но...

– Значит, надо заставить его вернуться, если меня за ним не пошлют. Вася!

– Ну да, конечно, вот ты решил, что возьмешь Стрелка – и все, дело сделано, а то без тебя его не ловили. И здесь, и в Одессе, и в Баку, и черт знает где! Ваня, спустись ты на землю! Он в 23-м тифлисский поезд ограбил, пассажиров догола раздел и запер в разных вагонах: мужчин отдельно, женщин отдельно... Шум был – до Москвы дело дошло! Искали его, выслеживали, лучших агентов прислали, но задержали совершенно случайно, когда он напился... Вышел он по амнистии, взялся за старое, – ты хоть помнишь, сколько к нему подбирались, как пытались хоть кого-то найти, кто к нему приведет? Узнали насчет Соньки, засаду поставили... засаду перебил, ушел с Сонькой! Да ты хоть понимаешь, что это за фигура? Он бандит непростой...

– Непростых бандитов не бывает, – повторил Опалин однажды им услышанные слова Терентия Ивановича. – Они все простые и все мразь...

– Ну хорошо, но непростой он в том смысле, что просто так к нему не подберешься. Я о чем тебе толкую? Рязанов сколько им занимался – ты его за дурака держишь, что ли? Если уж Рязанов не смог...

– Патефон исчез, – буркнул Опалин совершенно нелогично, морща лоб.

– Какой патефон?

– Да в комнате, где их нашли убитыми, патефон раньше стоял. А когда я туда пришел вчера, он исчез. Сонька их отвлекла, музыку поставила. Вот они и не услышали ничего. Да еще туман... А когда бандиты уходили, патефон с собой унесли. Мне вчера показалось, что в комнате чего-то не хватает, но я был на взводе, и мне было не до мелочей...

Селиванов насутился.

– Ваня, мы сейчас о тебе говорим, а не о том, как бандиты наших сделали. Ты слышал, что я тебе сказал? Не ищи Стрелка, он тебе не по зубам. Наберись терпения и жди. Им занимаются, приметы его везде разосланы, рано или поздно... Ведь было уже не раз! Сколько веревочке ни виться...

– Ага, а пока его не поймают, меня на подозрении держать будут, – кивнул Опалин, и его глаза потемнели. – А если он за границу сбежит? Не могу я сложа руки сидеть.

– А что ты можешь сделать? Бегать по Москве и кричать: «Подайте мне Стрелка!»? Ты пойми: Рязанов все делал как надо. Все контакты отработал, осведомителей занял...

– Это все не то, – отмахнулся Ваня упрямо. – Нужно что-то новое... Другое что-то.

– И что же?

– Не знаю. Думаю. Враги у него есть?

– У Стрелка? Конечно.

– Надо их привлечь.

– А смысл? Если ты о родных жертв, они ничем тебе помочь не могут. Люди как люди, кроме ненависти, у них нет ничего. Или ты об уголовниках? Эти с нами сотрудничать не станут – никогда. У них закон.

– Нет у них никаких законов, – огрызнулся Опалин.

– Есть. Ваня, не заносись. Ты надлаеешь глупостей, а разгребать кто будет?

– Задержать Стрелка – глупость?

– Ты его не удержишь. Он попался только раз, и то по ошибке. Ваня, я уже говорил тебе: выбрось эту мысль из головы.

– Стрелок не один, у него люди, а теперь еще и Сонька. Чем больше людей, тем больше связей. Близкие, знакомые, перекупщики, проститутки, да мало ли кто. Надо просто нащупать ту нить, которая к нему приведет.

– Угу. А чтобы ее нащупать, нужно время – и много чего еще. Ваня, какого черта? Эту работу и целая группа сделает не сразу. А ты хочешь всех обскакать, потому что...

– Потому что должен, – оборвал его Опалин. – Потому что это мое дело, черт возьми!

Селиванов вздохнул. Он и в относительно здоровом состоянии чувствовал себя не в силах бороться с упрямством друга, а сейчас тем более. Упрямство, впрочем, проявлялось у Ивана нечасто и только в тех делах, которые он считал принципиальными, но зато тогда оно было колоссальным – и приводило в отчаяние окружающих, которые пытались втолковать Опалину, что ничего хорошего из его отношения не выйдет.

– Это не твое дело, – все же сказал больной, хоть и не надеялся достучаться до товарища. – Тебе никто его не поручал. Ты хочешь отомстить за ребят и заткнуть рот Бруно – да, это хорошо, но в нашем деле, Ваня, надо крепко стоять на земле. Очень крепко! А тебя, извини, заносит. И это плохо, потому что ошибки в нашей работе... сам знаешь, чего они могут стоить. Ну как еще я могу втолковать тебе, что ты не должен этим заниматься? – вырвалось у него.

«Еще как должен», – подумал упрямый Опалин, но поглядел на товарища, на его розовые щеки и осунувшееся лицо, и почувствовал, что пора остановиться. Вася, может быть, по-

своему прав, только вот Опалин твердо знал, что он прав тоже, а раз так – позиция других людей его мало трогала. Точнее, не трогала совсем. Так уж он был устроен.

– Свинья я, – сказал он. – Ничего тебе не принес.

– Да ладно, – Селиванов махнул своей исхудавшей рукой, на которой выделялись синие вены. – Меня и так хорошо кормят...

В палате потемнело, Опалин бросил взгляд в окно и увидел, что снаружи идет плотный снег. Он деловито падал хлопьями, совершенно отвесно, и в какое-то мгновение стало казаться, что все стало совсем бело – как во вчерашнем тумане. Появилась медсестра, неслышным шагом подошла к выключателю, зажгла свет, убедилась, что на вверенном ей участке все в порядке, и удалилась так же незаметно.

– Ты ведь не отступишься, – неожиданно сказал Селиванов, когда они с Опалиным вяло обсуждали какую-то повесть из журнала.

– Конечно, нет. Кто у него враги? Он же убивал своих так же легко, как чужих. Быть такого не может, чтобы никто не желал с ним покончить.

Больной вздохнул, почесал щеку.

– Ну... Сеня Царь, говорят, с ним что-то не поделил⁴.

Опалин резко мотнул головой.

– Мимо. Дальше...

– А из крупных я больше никого не припомню. Знаешь что? Найди-ка ты Дымовицкого, он за ним гонялся. Он сейчас из угрозыска ушел, но наши должны знать, где его найти. Поговори с ним. Дымовицкий – мужик толковый, может, он тебе что подскажет.

– Спасибо, Вася, – искренне сказал Опалин, поднимаясь с места. – Я – честное слово – все понимаю, ты зря думаешь, что я просто так уперся... Если я пойму, что ничего сделать не могу, – отступлюсь. Куда я денусь...

– Ты, главное, на рожон не лезь, – попросил его Селиванов. – Хорошо?

Опалин пообещал, что будет осторожен и осмотрителен (два качества, которые давались ему с трудом), и, попрощавшись с больным, ушел.

⁴ О Сене Царе см. роман «Ласточкино гнездо».

Глава 6

Особое поручение

На следующее утро Опалин, пробудившись, почувствовал неприятную пустоту, словно из-под жизни его выбили опору и все его существование из-за этого как-то перекособочилось. Ему не нужно было идти на работу, потому что он был отстранен – но до зарезу требовалось выяснить, где живет Дымовицкий, который мог подсказать что-нибудь ценное, а чтобы найти его, следовало все-таки нанести визит в Большой Гнездниковский и узнать у коллег, где он живет.

Коммунальная квартира была полна обычной суетой: две соседки ругались из-за белья, которое одна из них повесила сушить на веревку, протянутую поперек коридора, кто-то хотел поскорее попасть в туалет, который был занят другим. Идя мимо соседской двери, Опалин услышал, как рассерженный отец семейства распекает дочь за то, что она потеряла калошу. Потом с кухни прибежала взволнованная соседка и стала жаловаться, что у нее барахлит примус. Она говорила, обращаясь преимущественно к Опалину, и сыпала словами со скоростью пулемета. Наконец, не выдержав, он буркнул: «Я не чиню примусы» и, улучив момент, скрылся в ванной. Соседки, только что ругавшиеся из-за белья, переглянулись и засмеялись.

– Зря стараешься, Татка, не выйдет у тебя ничего, – обратилась одна из них к хозяйке барахлящего примуса. – Ну не ндравись ты ему!

– Чего ты мелешь? – вскинулась Татка. – Беда у меня!

– То у ты примус барахлит, то занавески снять надо, а еще мебель передвинуть, – хихикнула вторая соседка, блестя глазами. – Ой, Татка, Татка!

– Чего Татка? – фальшиво горячилась собеседница. – Без примуса я что делать буду?

– Ну, Степана чинить позовешь, – хмыкнул проходивший мимо старый сосед. – Братца своего. Нешто откажет? Он же примусами на рынке торгует, все о них знает...

В ванной до Опалина донесся из коридора неясный гул голосов, а за ним взрыв смеха, и молодой человек невольно поморщился, чистя зубы. Он давно уже понял, что Татка имеет на него виды, но сам-то он видов на нее не имел, и ловкость, с которой она выдумывала предлоги, чтобы сократить дистанцию между ними, раздражала его. Он не любил задних мыслей, нечестности и извилистых путей, предпочитая в жизни прямоту и надежность. То, что в отношениях они могут быть не всегда уместны, даже не приходило ему в голову.

Он провел рукой по щеке и подумал, что сегодня можно не бриться. Потрогал губу, которая почти зажила, и стал размышлять, не отпустить ли ему усы. Из зеркала на него смотрел серьезный брюнет с крупноватыми чертами лица, губастый и симпатичный. Возле виска пролегал широкий рубец, о происхождении которого Опалин вспоминать не любил. Но тут Татка стала ломиться в ванную, крича, что ей позарез туда нужно, и Иван сбежал.

Он позавтракал в столовой. Оладьи были так хороши, что он задержался и взял вторую порцию. Свободный человек, черт возьми; никто его нигде не ждет. Кроме, может быть, его судьбы.

Трясаясь в трамвае, который вез его в Большой Гнездниковский, Опалин дышал на стекло и думал, что делать и как вообще вести себя, когда он столкнется с кем-нибудь из своих. Мысли об этом были обрывочны и внушали ему смутное желание поскорее от них отделаться. Но в здании угрозыска, едва миновав дежурного, Опалин сразу же нарвался на Петровича.

– А! Ваня! – сердечно вскричал Петрович, как будто не было неприятного разговора в гостиной Сонькиного дома в Одиноком переулке. – А я уж звонить тебе хотел. Слушай, тут дело есть для тебя...

– Меня возвращают на работу? – встрепенулся Иван.

Логинов посерьезнел.

– Нет. Пока нет. То есть, – он прокашлялся, – в полном, так сказать, объеме... еще нет. Но ты нам нужен. В общем, кому заняться этим делом, как не тебе...

Он завел Опалина в кабинет, где они сидели, и объяснил, что есть заявление по факту гибели под трамваем гражданки Евлаховой Галины Аристарховны. Родители ее сомневаются в том, что это был несчастный случай, так что...

– Ну вот, и для тебя нашлась работенка, – объявил Логинов жизнерадостно.

– Это что, та самая, из-за кого я в ту ночь опоздал?

– Она.

– Так я же свидетелем был. Разве я могу...

В кабинет вошел Келлер, увидел Опалина, стал желт, как лимон, погонял по скулам желваки и ретировался.

– Можешь, – подтвердил Петрович, сделав вид, что не заметил немца, как и того, что, уходя, Бруно хлопнул дверью громче обычного, – ты – незаинтересованное лицо. Ты же не знал ее?

– Нет, конечно! – нервно вскрикнул Опалин. – Слушай, где я могу Дымовицкого найти?

Петрович, который залез в ящик стола, чтобы передать собеседнику имеющиеся бумаги, застыл на месте.

– А зачем он тебе?

– Посоветоваться. Я слышал, он Стрелка ловил.

– Он уже не наш, – сказал Логинов решительно, вкладывая в эту короткую фразу какой-то особенный смысл, словно отсекающий Дымовицкого от их среды.

– Какая разница? Мне только поговорить.

Петрович поглядел на его нетерпеливое лицо, вздохнул, оторвал полоску бумаги от газеты и нацарапал на ней адрес.

– Вот... Держи.

– Спасибо, – поблагодарил Опалин, прочитав адрес. – Это Верхние торговые ряды, что ли?

– Угу, – Логинов кашлянул. – Ты на кремации будешь?

Кремация была в некотором роде идеей фикс тогдашней власти, поссорившейся с церковью и наступающей на все, чем церковь занималась ранее, включая то, что относилось к области смерти. Кремация против традиционного погребения – с привлечением всех средств пропаганды, от популярных брошюр до стишков продажных куплетистов в «Вечерней Москве»; но успехи, прямо скажем, были не слишком выдающиеся – хотя бы по той причине, что на всю страну имелось лишь несколько крематориев. Кроме того, кремация порождала порой двусмысленные ситуации, как, например, с Лениным, которого нельзя было хоронить по-христиански и в то же время было неудобно сжигать с точки зрения политической. Разумеется, в тот миг Опалин не размышлял обо всех этих тонкостях. Он был молод, полон жизни, и его инстинктивно отталкивало все, что слишком навязчиво напоминало о смерти. Он не любил кладбища, похороны, траурные одежды и надгробные речи. Логинов увидел, как вытянулось его лицо, и угадал ответ до того, как он был произнесен.

– Я не... Ты же сам поручил мне... Я лучше пойду...

Он взял из рук Петровича тоненькую папку, в которой находились все материалы дела, и шагнул к двери.

– Постой, – сказал Логинов ему вслед. Опалин нехотя остановился и обернулся. – Отец этой девушки в Моссовете работает. Будь с ним вежлив и... Ну и вообще.

– Девушки? – машинально переспросил Иван.

– Ей семнадцать было.

Он вспомнил улицу, утопающую в тумане, встречный трамвай, ползущий по рельсам, платок на голове вагоновожатой, месиво под колесами, и в ушах его вновь зазвучал слабый вскрик:

– А-ах!

Последнее, что она произнесла в жизни.

– Постой, – начал Опалин, – почему ее родители считают, что это не несчастный случай? У них есть причины?

– Не знаю. Поговори с ними.

... Он открыл было рот, чтобы сказать, что собирается вообще-то ловить Стрелка и ему серьезно мешает это дело, которое зачем-то свалили на него. Ясно же, что ситуация безнадёжная. Вечер, туман, он сам был на месте происшествия и пытался найти свидетелей – и что? Никого же не нашел. Сам сидел в вагоне и ни черта не видел, а вагоновожатая...

– Ты с вагоновожатой говорил? – спросил Опалин.

– Нет.

Иван смотрел на собеседника исподлобья – и сам не заметил, как совершенно по-детски начал дуться. Ему не нравилось дело, которое выпрыгнуло из недавнего прошлого и рухнуло на него без предупреждения. Он нутром чуял, что из расследования ничего не выйдет, и более того – что от него вообще ничего не ждут, что ему дали поручение для галочки, для успокоения несчастных родителей, один из которых к тому же занимает высокий пост. Внутренне Опалин бунтовал. Но он не имел права отказываться, и Петрович знал это.

– Если они хотят свалить все на вагоновожатую и испортить ей жизнь, – проговорил Иван, вздернув подбородок и неприятно напирая на каждое слово, – я им не помощник.

– Ваня, не пыли, – устало попросил Логинов. – Выясни все для начала. Мало ли какая там ситуация... Может, у девушки враги были. Или у ее папаш...

– Да туман был, туман, – неожиданно разозлился Опалин, – и вечер! Зазевалась и попала под колеса, обычное дело...

– А если нет? – спросил Петрович.

В кабинет без стука вошел Валя Назаров, по привычке наклонив голову. Заметив Опалина, агент приблизился к нему и протянул руку, которую Иван пожал, чувствуя, как его заполняет благодарность. Потому что Назаров даже не колебался, подойти к нему сейчас или нет. А кое-кто из тех, кого Иван видел сегодня в здании, колебался, а еще кто-то и вовсе делал вид, что не заметил его.

– Ваня, я это... Ты не думай, что мы поверили Бруно... – сбивчиво заговорил Назаров. – Он лишнего сболтнул, конечно. Мы даже не сомневаемся...

– Келлер тут только что был, – буркнул Опалин, который, несмотря на молодость, все примечал и был крайне злопамятен. – Даже поздороваться не пожелал.

– Вань, да ты что... Бруно, это же... Когда он перед кем извинялся... Да он не признает ни за что!

Опалин шмыгнул носом. Он только что вспомнил кое-что и обратился к Логинову.

– Слушай, Петрович, может, это и неважно, но... Насчет патефона...

И он рассказал собеседникам, что из дома в Одинокоем переулке пропал патефон и что, возможно, это как-то связано с тем, что бандиты смогли застать агентов угрозыска врасплох.

– Сонька часто пользовалась патефоном? – спросил Логинов.

– Каждый день пластинки ставила.

– А какие?

Опалин наморщил лоб, припоминая.

– Фокстроты в основном, – пришел ему на помощь Назаров, которому тоже доводилось сидеть в засаде. – Еще танго. Танцевать она ого-го как любила! Все Ваню пыталась на это дело подначить...

– Я с такими не танцую, – сухо ответил Опалин и глазами сверкнул сердито, как кот.

– Не-не, ты с ней танцевал, я помню, – засмеялся Назаров. – Пару раз она все-таки тебя вытащила из кресла, где ты сидел.

– И что? – спросил Опалин уже с раздражением.

– Да ничего, – ответил удивленный Назаров. – Ты, Ваня, главное, не горячись.

– Вы хоть ищите их? – задал Иван главный вопрос, который занимал его больше всего. Логинов посерьезнел и послал Назарову предостерегающий взгляд.

– Разумеется, ищем. Но – извини – сказать тебе ничего не можем.

– Когда мы их поймаем, я обязательно тебе сообщу, – пообещал Назаров. – Честно-честно.

Это было одно из его любимых выражений, которые он употреблял к месту и не к месту. И хотя Опалин понял, что Валя сказал это только для того, чтобы его успокоить, он был тронут.

– Спасибо, Валя, – пробормотал он, снова пожав руку Назарову. – Я... Понимаешь, мне это очень больно все.

Он поглядел на папку, которую переложил в левую руку, когда обменивался рукопожатием с Валею, и, не прощаясь, шагнул к двери.

– Если понадобится помощь, ты только скажи! – крикнул Логинов ему вслед. – Я про дело твое, – добавил он на всякий случай.

Когда дверь за Опалиным закрылась, агенты молча переглянулись.

– Эх, Бруно... – буркнул Назаров, доставая папиросу. – Зря он! Я бы в жисть на Ваню не подумал...

– А на кого? – внезапно спросил Логинов, который любил расставлять все точки над ё.

– Ты точно хочешь знать?

– Уж не сомневайся. Так на кого бы ты подумал?

– На Рязанова.

– Ты спятил? – вытаращил глаза Петрович.

– Нет. Вечер, туман, окраина. Он не сменялся, все время там сидел. Злой был, говорил: «Я его возьму, он от меня не уйдет», – Валя закурил, выпустил клуб дыма. – Ну и... Сам знаешь, как это бывает. Переутомился. Переоценил свои силы... Еще если эта вовремя патефон завела... Могли ничего не услышать. Повезло Опалину, – не совсем логично добавил он, пуская дым.

Петрович подошел к окну, засунул руки в карманы. Потом обернулся.

– Бандиты в Рязанова пять пуль всадили. Больше, чем в остальных.

– И что?

– Ничего. – Логинов нахмурился. – По-моему, они знали, кто в группе главный. И это наводит меня на мысль, что их осведомитель был в курсе всех деталей операции. А туман... Никто же не знал, что он будет...

– Повезло? – усмехнулся Назаров, докуривая папиросу и решительным жестом швыряя ее в пепельницу, доверху набитую окурками.

– Нет, – медленно ответил Петрович, – для везения это чересчур... Они увидели туман и сообразили, как его использовать. Но если Сонька завела патефон, чтобы отвлечь наших... – Он нахмурился. – Она сделала это не просто так, понимаешь? Кто-то должен был ее известить, что они явятся. Как? И почему Рязанов это допустил? Черт возьми...

Он прошелся по комнате, потирая подбородок.

– К чему гадать? – усмехнулся Валя. – Взять бы их за жабры да допросить... Все тогда узнаем!

– Золотые слова, – заметил Логинов. – Знаешь, что сказал Бруно? Если Опалин не соврал и действительно слышал, как Генрих перед смертью произнес что-то вроде арка... может, это было слово маркт? Рынок?

Назаров задумался.

– Сестра Лариона на рынке торгует, – сказал он наконец. – На Ново-Сухаревском. Но сколько раз ее ни допрашивали, она стояла на своем: с братом отношений не поддерживает, на него ей совершенно наплевать.

– А остальные члены банды с рынками никак не связаны?

– Вроде нет. Кажется, Сонька когда-то торговала, но это было давно.

– Проверь-ка сестру, – распорядился Логинов. – Только без напора. Мол, чистая формальность, ничего страшного, гражданочка. Понял? Потом с соседями поговори, с дворником, с управдомом, – Он дернул щекой. – А то она твердит, что брат давно ей чужой, а как его в Одессе схватили, денег дала тому, кто туда поехал и передачи Стрелку носил. Нет, Валя, родная кровь – не водица. Кто бы там чего ни говорил!

Глава 7

Свидетели

Выйдя из здания угрозыска, Опалин задумался, что ему делать.

С одной стороны, у него имелось совершенно определенное поручение – узнать, почему родители Галины Евлаховой считали, что происшедшее с ней не было несчастным случаем, и заняться расследованием. С другой стороны, Иван еще не расстался с мыслью найти Стрелка и надеялся, что Дымовицкий ему что-нибудь подскажет.

Он взялся за тесемки папки, которую ему дал Логинов. Серые сдобные тучи, которые ползли низко над Москвой, тотчас учуяли, что юноша внизу развернул папку с бумажками, часть из которых была исписана почему-то красными чернилами, обрадовались случаю и принялись сыпать на него и на документы крупный снег. Со стороны могло даже показаться, что кто-то наверху распорол подушки и из них летит пух. Опалин чертыхнулся, вернулся в желтоватое обшарпанное здание и там дочитал то, что его интересовало. Из бумаг следовало, что ввиду сопутствующих обстоятельств дело собирались признать несчастным случаем, но тут подоспело заявление от Евлахова Аристарха Николаевича, отца девушки, с требованием провести дознание по всей форме. Опалин поглядел на крупные, твердые буквы и подумал, что этот Аристарх Николаевич, должно быть, человек решительный и шутить не любит.

«К Евлаховым в Глинищевский переулок или к Дымовицкому на Красную площадь? – думал Ваня, завязывая папку. – Ладно, поеду к Евлаховым... Сначала дело, а все остальное потом».

Дом, в котором жил работник Моссовета, мало чем отличался от других домов в этой части города. Машинально Опалин отметил, что неподалеку располагается моссельпромовская пивная, которая наверняка была центром притяжения местных забулдыг, но ведь при советской власти пиво пить не возбраняется. «Зайти, что ли, в пивную, попробовать разузнать насчет Евлахова?» – мелькнуло у него в голове. Но он инстинктивно чурался подобных мест и решил начать расспросы с дворника или управдома – как получится.

Дворника Опалин поймал возле ворот дома Евлахова, и разговорить его удалось довольно легко – с помощью пары папирос.

– Аристарх-то? Ну, Аристарх человек известный... Ничего плохого про него сказать не могу. Здороваается! Иные мимо шмыг с портфелем и даже не глядят в твою сторону. А он ничего...

– А дочь его ты знал?

– Которую?

– А что, у него несколько дочерей?

– Ха-ха! Так три девки у него. Галка старшая была, под трамвай угодила. А зачем он тебе?

– Я как раз и буду расследовать, отчего она под трамвай угодила, – признался Опалин. Дворник скользнул глазами по его лицу.

– Вишь ты! А что она угодила, так ничего хитрого тут нет. Жених ее бросил, – Он произносил слово через «а»: жаних.

У Опалина заныло под ложечкой. Не зря он предчувствовал, что с этой историей что-то не так. Получается, что Галина бросилась под трамвай, поссорившись с женихом, и теперь рассерженный отец будет пытаться этого жениха притянуть к ответу или хотя бы как-то испортить ему жизнь. Да, в уголовном кодексе есть статья о доведении до самоубийства, но применяется она крайне редко, потому что в таких делах много спорных моментов, которые можно трактовать по-разному.

– А кто ее жених? – спросил Опалин мрачно.

– Ванька Катаринев. Он в этом же доме живет, только на верхнем этаже, – пояснил дворник, махнув рукой с папиросой куда-то в сторону окон под крышей.

– А Евлаховы?

– Евлаховы на втором.

– Квартира коммунальная?

– Райская, – хмыкнул словоохотливый дворник. – Шесть комнат, две семьи. Хоромы!

– А вторая семья кто?

– Прокудин, инженер. Его отец до леворюции этим домом владел.

– До революции, – машинально поправил Опалин.

– Ну а я что говорю? Буржуй, одно слово. Но человек хороший. И дочь его родителей уважает, не пойдет она под трамвай прыгать из-за того, что ее бросили. Галка-то – та с норовом была. Самосборная, – выдал дворник, имея в виду, очевидно, «сумасбродная».

– Сильно переживала?

– Чаво?

– Галина сильно переживала, что с женихом поссорилась?

– Так под трамвай же бросилась! Конечно, переживала...

– Я имею в виду: по ней в тот день или раньше было заметно, что что-то не так?

– А то! Раньше смеялась, только зубы сверкают, а потом и улыбаться перестала. Ванька от нее рожу воротил, а она от него. Это когда они тут во дворе встречались случайно, – пояснил дворник.

Поблагодарив своего собеседника, Иван двинулся к дому, но тут услышал:

– Если тебе Аристарх нужен, его дома нет! Вся семья на похоронах. В этом... как его... климатории...

– Климатории? – догадался Опалин. Дворник энергично закивал.

– Что, и домработницы тоже нет? – допытывался Иван.

– Нету, ее хозяйка выгнала, а новую взять не успела.

– Когда выгнала? За что?

– Ну, за что-то, – туманно отозвался дворник, почесывая щеку. Опалин понял, что он знает, но не хочет говорить представителю власти.

«Поговорю с Прокудиными, – решил он, карабкаясь по высокой и чрезвычайно широкой лестнице. – Живут в одной квартире... все должны друг о друге знать».

Он позвонил в дверь и стал ждать.

– Кто там? – спросил высокий чистый девичий голос.

– Уголовный розыск, агент Опалин, – степенно ответил Иван, хотя числился только помощником агента.

Дверь распахнулась. На пороге стояла девушка с толстой русой косой, довольно высокая – ростом почти с Ивана, который вовсе не был мелким.

– А нас никто не грабил, – строго сказала девушка. У нее был вздернутый носик, серые глаза и длинные ресницы; из одежды он заметил только темно-синюю юбку в складках и блузку с подобием галстучка. Девушка ему понравилась сразу же, с первого взгляда, но сыщик в нем не дремал, и Опалин решил, что это, должно быть, дочь Прокудиных.

– Я насчет Галины Евлаховой, – признался он, поспешно снимая шапку, которая вдруг ни с того ни с сего стала казаться ему ужасной.

– О! Проходите. Верхнюю одежду оставьте вот тут, – она указала на вешалку, на которой висело женское зимнее пальто с воротником из лисы. Внизу под вешалкой валялись детские ботиночки, живописно раскинув шнурки, и стояли несколько пар взрослой обуви, из которых Опалин сыщицким взглядом выделил модные светлые туфли на каблучке. «Галины? Или той, которая открыла мне дверь? А впрочем, какая разница...»

Опалин снял пальто, после чего, спохватившись, переложил браунинг оттуда в карман брюк. При этом он чуть не уронил папку, которую держал под мышкой. Девушка наблюдала за ним с любопытством, немного склонив голову к плечу. Опалин тоже наблюдал – и делал свои выводы. Огромный коридор, высокие потолки; квартира хорошо протоплена; у одной из дверей стоит детский трехколесный велосипед, рядом валяется большой игрушечный медведь – ростом, должно быть, с пятилетнего ребенка. Иван готов был поклясться, что люди тут жили хорошо – а для тех лет вообще, можно сказать, шикарно.

– Пойдемте, они должны скоро вернуться... я так думаю, – добавила девушка.

– Вы дочь инженера Прокудина? – не удержался Опалин.

– Да. Вам дворник сказал? Я видела в окно, как вы с ним говорили.

Иван не то чтобы насторожился, но ее признание ему не понравилось. Зачем она смотрела в окно и следила, кто беседует с дворником?

– Извините, как вас зовут?

– Надя. Слушайте, может, будем на ты? Или вы против? – протянула она.

– Нет, я не против.

– А тебя как зовут?

– Ваня.

– Надо же, я так и подумала.

– Что подумала? – Он даже приостановился на мгновение.

– Ну, что ты обязательно окажешься Ваней.

Весь этот разговор происходил в коридоре – и наконец-то они переступили порог гостиной. Шкафы с книгами, кожаный диван на вычурных ножках, строгие часы, отстукивающие время, обои – коричневые с золотыми геральдическими лилиями, а на одной стене более простые, и Опалин подумал, что эту комнату выгораживали как часть другой, куда более обширной. На видном месте висели портреты Ленина и Сталина.

– У нас с Евлаховыми общая гостиная, она же столовая, – пояснила девушка. – А книги из дедушкиной библиотеки, их пришлось перенести сюда, потому что... теперь там комната Аристарха Николаевича и Анны Андреевны.

Опалин ничего не сказал и поглядел на паркет, на котором были видны следы грязных сапог. Девушка покраснела.

– К Аристарху Николаевичу посетители являются, даже домой... А у нас домработница ушла. Новую ищем, но пока не нашли. У тебя никого нет на примете?

– Откуда? – буркнул Опалин.

– Ну, мало ли...

– Когда найдете домработницу, покажите ее мне, я сразу скажу, есть она у нас в картотеке или нет, – усмехнулся он.

– То есть воровка она или нет? – Девушка глядела на него во все глаза. – Но... Анна Андреевна всегда нанимает только проверенных людей...

– Они все проверенные, – хмыкнул Опалин, осторожно опустившись на широкий кожаный диван, который чем-то его особенно манил в этой загадочной и смешанной обстановке. – Надя, а ты хорошо знала Галю?

– Конечно.

– Что там у нее стряслось с женихом-то?

– Ах, нет, нет, – заговорила Надя, морщась, – Ваня не был ее женихом... Это глупости. То есть не то что глупости... он ей нравился, понимаешь? И она ему нравилась... одно время. Но он ничего не говорил о свадьбе и даже не намекал...

– Не намекал, а так?

– Что – так?

– Они жили без всякой свадьбы?

Надя покраснела.

– Во-первых, я не думаю... Во-вторых... и вообще... Ваня – порядочный человек! Он к ней относился... ну... по-дружески... А она решила, что это не дружба уже... Однажды стала говорить, что хорошо бы им покончить с неопределенностью и расписаться... а он и вспылил...

– Ты слышала их разговор?

– Нет. Мне Галя сказала. Она... она была... – Надя задумалась, – сражена, да? Ей даже в голову не приходило, что Ваня так может с ней обойтись...

Опалин глядел на нее и с неудовольствием думал, что она чего-то недоговаривает. Дворник назвал Ивана Катаринова женихом Гали. Такие прозвища на пустом месте не рождаются, как минимум загадочный тезка Опалина должен был подавать девушке определенные надежды...

– Когда именно они поссорились? – спросил Иван.

– Дней десять назад, наверное.

– А после этого общались?

– Ну... Она ему книгу какую-то вернула. Получается, общались...

– Ты помнишь тот день, когда ее сбил трамвай?

– Помню.

– Как она вела себя с утра?

– Ну... Завтрак... как обычно... Потом – не знаю, я на курсах была.

– На каких?

– Я курсы иностранных языков посещаю. Бывшие Берлица... Там Екатерина Александровна преподает.

– А Екатерина Александровна – кто?

– Она с Лизой занимается немецким.

Увидев недоумение на лице Опалина, Надя нетерпеливо пояснила:

– Лиза – сестра Гали, в школу ходит.

– Понятно. А медведь в коридоре чей?

– Анечки. Она младшая.

– А почему ты сегодня не на курсах?

– Так занятий нет.

Занятий нет, а одежда все-таки не домашняя. Опалин смерил Надю взглядом. Она нравилась ему, но он чувствовал в ней напряженность, как у человека, который не хочет сказать лишнее, боится проговориться.

– Давай вернемся к третьему февраля, – попросил он. – Ты ведь не весь день была на курсах?

– Нет. Потом я на катке каталась, а вечером в кино пошла.

– Да? И какая фильма шла?

В те годы слово «фильм» употреблялось в женском роде.

– «Цирк Поммера» с Мацистом. Видел?

– Нет еще. У меня... у меня работы много.

– Ты сходи, – посоветовала Надя, с сочувствием глядя на него. – Мне понравилось...

– Ты одна в кино была?

– Почему одна? Полный зал был...

– Нет, я имею в виду, ты одна пришла, без знакомых?

– А, если в этом смысле... Да, одна.

– После фильма что было?

– После фильма? О-о... Я вышла из кинотеатра – ничего не видать... Идти-то вроде близко, но мне даже не по себе стало. Думаю, посижу в буфете, послушаю музыку... оркестр играл... Пока пирожное съем, кофе выпью, думаю, и туман рассеется. Какое там! Посидела,

выглянула в окно – а там только хуже стало. Поняла, что нельзя больше сидеть, надо возвращаться домой... Еле дошла. Галя на кухне с матерью ссорилась, я не стала туда заходить и ушла к себе.

– А почему они ссорились?

– Это ты у Анны Андреевны спроси, – с вызовом ответила девушка.

– Во сколько ты вернулась домой?

– Не помню. Поздно было уже. Папа читал газету, как обычно, если я где-то задерживаюсь... Потом я услышала, как дверь хлопнула, но не обратила на это внимания. Утром я узнала, что Галя ушла и домой не вернулась. Аристарх Николаевич встревожился, Анна Андреевна плакала... Стали искать ее... Ну и нашли. Только по сапожкам опознали, она недавно новые купила...

– Скажи, а во сколько фильма началась?

– Ты про «Цирк Поммера»? В четверть седьмого. Кинотеатр «Палас». – Надя тяжело вздохнула. – Может, тебе еще билет показать? У меня где-то валяется.

– Покажи, – спокойно велел Опалин и поглядел на нее загадочным взором, в котором ей почудилась неприязнь.

Надя принесла из комнаты сумочку, обшарила все отделения и нашла-таки билет, который завалился в самый угол. Опалин расправил его и тщательно прочитал все надписи.

– Ну и зачем это? – мрачно спросила Надя, забрасывая косу за спину. – Ты что, меня подозреваешь в чем-то?

– Да при чем тут подозрения, – проворчал Опалин, возвращая ей билет, – мне протокол надо будет оформить, понимаешь? Свидетельница такая-то, жила в одной квартире с жертвой, в тот день была там-то и там-то, рассказать может то-то и то-то, в доказательство своих слов предъявила, к примеру, билет на фильму...

– А! Строго как у вас...

– Конечно. Я же не для себя расспрашиваю, а для дела...

Надя немного успокоилась, но все же глядела на него недоверчиво. Чтобы не настораживать ее, Опалин перевел разговор на родителей Галины.

– Скажи, ты их хорошо знаешь?

– Ну, раз мы живем в одной квартире... – ответила девушка, поводя плечом.

– Что они за люди?

– Они-то? Обыкновенные...

– В каком смысле?

Надя неожиданно рассердилась.

– В таком! – Она сверкнула на Опалина глазами. – Ну что о них можно сказать? Анна Андреевна вся в семье, Анечка часто болеет, Лиза вот тоже... учится не очень... Аристарх Николаевич работает, у него ответственная должность в Моссовете, еще по партийной линии нагрузка...

– А чем он конкретно в Моссовете занимается?

– В жилищно-строительном комитете состоит, – ответила Надя, наморщив лоб. – Они муниципальным и кооперативным строительством руководят... и не только в Москве, но и в губернии.

– А-а, – протянул Опалин. – Важное дело.

Новоиспеченная столица пухла и лезла во все стороны, как дрожжевое тесто, которое проворонила беспечная хозяйка, и в этих условиях строительство действительно имело огромное значение. Увы, квартирный вопрос, испортивший москвичей, решался туго и явно не поспевал за ростом города.

– Я не могу себе представить, как она могла решиться на такое, – пробормотала Надя, ежась, – она же видела, что все ее любят, хотя Анна Андреевна своей воркотней любого выведет из себя...

– Воркотней?

– Да, она очень настойчивая бывает, и одно и то же... по много раз... это, знаешь, раздражает. Моя-то мама совсем другая... поэтому я вижу разницу.

– А мама твоя где сейчас?

– Так она в тресте работает. У папы секретаршей.

– Разумно, – неизвестно к чему заключил Опалин и попросил лист бумаги и ручку, чтобы написать протокол.

Не без сожаления он отлепился от мягкого дивана, подсел к столу и стал писать, но неожиданно прервался.

– Не для протокола, просто мне любопытно. Почему ты не в домашней одежде? Я тебе помешал куда-то идти?

Губы Нади дрогнули.

– Нет, я... Ты правда не для протокола?

– Честное слово.

– А то я тебе не скажу.

– Нет, скажи. Мне просто интересно.

Девушка вздохнула.

– Я очень скверная, ты мне веришь? Я выдумала, что у меня сегодня важное занятие, чтобы не идти на похороны... Я испугалась, что не выдержу. Я... понимаешь, я до сих пор не могу представить, что Гали больше нет... Умом понимаю, но... как же так? Ведь она же была жива совсем недавно... В общем, я ушла утром и вернулась, только когда убедилась, что они ушли. И тут ты позвонил...

– Понятно, – кивнул Опалин и снова наклонился над листом.

Глава 8

Пивная № 22

Часы чихнули, потом пробили одиннадцать, довольно крикнули, словно сделали нужное дело, и пошли тикать прежним ходом. Опалин сунул протокол в папку и поднялся.

– Ты разве не будешь дожидаться Евлаховых? – удивилась Надя.

– Нет, я лучше потом зайду.

Он чувствовал себя не в настроении общаться с людьми, которые придут с похорон, наверняка будут плакать, переживать свое горе – а тут он со своими расспросами, которые будут растравлять их раны. Поглядев на Надю, он понял, что она угадала его мотив, и насупился. Чего он не понял, так это того, что его чуткость сильно возвысила его в глазах девушки. Она знала о том, что Евлахов настаивал на расследовании гибели дочери, и предвидела сплошные неприятности. А тут пришел обыкновенный, можно сказать, юнец, неловкий, но, кажется, старательный. И его вполне реально было приручить.

– Я все-таки не думаю, что Галя покончила с собой, – заговорила девушка, когда Опалин в передней обматывал шею шарфом и натягивал пальто. – Она... видишь ли, она была расстроена, но не настолько...

Незванный гость повернулся к ней, выпятив челюсть, и она увидела, как колюче блеснули его глаза.

– Я пока вижу только, что ты мне врешь, – сказал безжалостный Опалин.

Он произнес эти слова по наитию, отчасти для того, чтобы посмотреть на ее реакцию, и выражение ее лица показало ему, что он совершенно прав.

– Ну... это... – пролепетала совершенно растерявшаяся Надя. – Где я вру?

– Сама знаешь, – отрубил Опалин, воинственно нахлобучивая шапку. – До свиданья, – и он вышел, оставив последнее слово за собой.

Прыгая через две ступеньки, он поднялся на последний этаж и стал искать в списках жильцов коммунальных квартир фамилию Катаринаова. Наконец она нашлась, и Опалин, чтобы вызвать именно того, кто ему был нужен, коротко позвонил четыре раза, как предписывал сделать листок под звонком.

Дверь распахнулась почти сразу же. На пороге предстал жизнерадостный толстяк в подтяжках, которые крепко держали на своем месте выдавшие виды черные брюки. Свет электрической лампы отражался бликом на его желтоватой лысине. Иван озадаченно сморгнул. Не таким, ох, не таким представлял он человека, из-за которого Галя Евлахова могла покончить с собой.

– Пардон, – сказал толстяк, одним глазом выражая тревогу, в то время как в другом искрилось сдержанное веселье, – вы, должно быть, ошиблись. Три раза звонить, три!

«Вот это номер», – мелькнуло в голове у Опалина.

– Лучший товар! Гарантия! – соловьем заливался толстяк, умильно складывая пухлые лапищи, поросшие жестким черным волосом. – Бюро похоронных принадлежностей «Вечность» к вашим услугам. Кооператив! 272-я артель известна всей Москве качеством своей работы! – Он сделал попытку горделиво выпятить грудь, но вместо того, конечно, выпятил брюхо. – Кого хороним? – спросил он интимно.

– Никого, – опомнившись от удивления, буркнул Опалин. – Я Катаринаова ищу. Звонил четыре раза, как тут написано.

Толстяк моментально скис. Так быстро не скисает даже молоко.

– А, вы тоже из этих? Ну-ну, – усмехнулся служитель Танатоса. – Шестая дверь от входа, – добавил он, посторонившись, чтобы пропустить в квартиру гостя. – Только стучите погромче. Он там, но... сами понимаете...

Опалин пока ничего не понимал, но на всякий случай переложил папку в левую руку, а правой пошевелил в кармане рукоять браунинга. Подойдя к двери Катарина, он постучал – сначала тихо, потом громче, потом еще громче. Наконец изнутри до его слуха донеслись какие-то невнятные звуки, заскрежетал поворачиваемый в замке ключ, который, очевидно, крутили не туда. Наконец человек по ту сторону двери определился, справился с ключом и открыл дверь.

– С-слушаю, – выдохнул он с усилием, привалившись к косяку плечом и виском.

Это был довольно красивый молодой блондин с артистической внешностью и замечательными голубыми глазами – но в данный момент глаза интересовали Опалина куда меньше, чем зрачки. Он поглядел на них, на круги под глазами, на тонкие губы собеседника, судорожно кривящиеся в пародии на улыбку, все понял и сделал шаг назад.

– Ты Ваня Катарин? – спросил он, чтобы изгнать последние сомнения. Блондин смотрел на него ничего не выражающим взглядом, затем отлепился от косяка и беззвучно засмеялся, закинув голову, так что напрягся кадык на тонкой шее. Станный смех перешел в подобие икания, на губах проступила слюна. Блондин вытер ее и прислонился лбом к двери, видимо, плохо отдавая себе отчет в происходящем.

– Ладно, – сказал Опалин. – Потом поговорим.

Он отошел к толстяку, который стоял неподалеку, заложив большие пальцы под подтяжки.

– Давно это с ним? – спросил Опалин, кивая на Катарина, который, как медуза, сполз с двери обратно в комнату и закрылся там.

– Марафет-то?⁵ – хмыкнул толстяк. – Да черт его знает. Сначала вроде как не особо заметно было, а теперь...

– Ваш будущий клиент, – не удержался Опалин.

– Все мои будущие клиенты, – с философским спокойствием парировал толстяк.

Ивана передернуло. Он не любил фраз, бьющих на дешевый эффект, а встреча с наркоманом произвела на него угнетающее впечатление. Опалину приходилось ставить себя на место преступников, и многое он мог понять, но наркоманы всегда вызывали у него чувство, близкое к гадливости.

«И из-за этого она так страдала? Да ей радоваться надо было, что она от него избавилась».

Выйдя из квартиры, он почувствовал облегчение и неспешно двинулся вниз по ступеням. Но нервы у него были расшатаны, и, вспомнив на улице кое-что, он решительно зашагал по направлению к местной пивной.

Судя по виду, моссельпромовская пивная номер 22 ничем особенным не отличалась от заведений подобного рода. Такие же, как и везде, грязноватые столы и дешевые сиденья, такой же, как и везде, адский дух – смесь табака, пота, алкогольных испарений, такие же рекламные плакаты на стенах – в основном моссельпромовской продукции. За стойкой виднелся распорядитель этого ада – полноватый, спокойный человек с усами щеткой и пухлыми руками. Рост средний, возраст средний, внешность тоже средняя, но взгляд, которым он окинул Опалина, оказался чрезвычайно внимательным.

– Светлое есть? – спросил Иван с достоинством.

Человек почесал щеку, оглянулся на шеренги бутылок за своей спиной и без всякого выражения уронил:

– Шаболовское.

⁵ Марафет – на жаргоне тех лет кокаин или наркотики в общем смысле.

– Давай шаболовское, – распорядился Опалин. – Одну кружку.

Человек вздохнул, откупорил новую бутылку, и пиво, пенясь, полилось в кружку. «Трехгорное пиво тоже ничего... но и шаболовское хорошее. Интересно, не разбавляет ли он его, – смутно подумал Опалин, пригубив пиво и косясь на продавца. – А то попался нам однажды тип, который откупоривал бутылки с вином, разливал его водой, закупоривал их снова, а разницу на сторону продавал. Нет, пиво что надо...»

В этот час пивная была почти пуста, только в углу у окна спорили трое. Навострив уши, Иван понял, что препирательство идет о боксе, о том, какой спортсмен лучше, и развеселился. Способность людей горячиться из-за сущих пустяков всегда казалась ему комичной. Он спросил к пиву бублик и стал жевать его. Бублик был нежен, как любимая женщина, и источал райский аромат. Моссельпромовская пивная номер 22 из преддверия ада на глазах превращалась во вполне приличное заведение.

– Соседей знаешь? – спросил Иван с набитым ртом.

– Смотря кого, – ответил человек за стойкой, покосившись на него.

– Мне Евлахов нужен, – говоря, Опалин бросил взгляд на папку, лежавшую с ним рядом, будто должен был передать ее человеку, о котором шла речь. – Слышал о таком?

– Кто о нем не слышал, – хмыкнул собеседник.

– Часто тут бывает?

– Никогда. Он не пьет.

– Язва замучила? – усмехнулся Опалин.

– Не, просто не пьет. Ты к нему сегодня не ходи, он дочку потерял.

– Да? Как же это?

– Под трамвай попала.

– Ой, ой, ой. Как же она так?..

Человек за стойкой пожал плечами.

– Я разное слышал. Одни говорят, любовь несчастная. Другие – что ее папаша кому-то дорогу перешел.

Опалин весь обратился в слух. А вот о второй версии Надя Прокудина даже не обмолвилась. Интересно, почему?

– Это кому же? – спросил он, не слишком, впрочем, надеясь на ответ.

– Да посадил он кого-то, – пожал плечами собеседник.

Иван вытаращил глаза.

– Как – посадил?

– Да как сажают. Обыкновенно. За какие-то махинации на строительстве.

Опалин сделал усилие, чтобы проглотить все, что было у него во рту, и чуть не подавился.

– Еще пива? – спросил человек за стойкой.

– Давай, – махнул рукой помощник агента и полез за кошельком.

И тут его душу кольнуло иголкой нехорошее ощущение, словно снаружи кто-то следит за ним, причем Опалин был готов поклясться, что кожей чувствует, куда именно направлен взгляд филера – между лопаток. Притворившись, что пересчитывает мелочь, он незаметно оглянулся. За окном прошла нэпманша с длинной строгой собачкой на поводке, степенно прошествовал какой-то совслужащий с портфелем, затем пробежал беспризорник, засунув руки в карманы. «Показалось, – с облегчением подумал Опалин и тут же сам себе возразил: – Нет». Взгляд его скользнул по настенному плакату: «Трехгорное пиво выгонит вон ханжу⁶ и самогон». Перед «выгонит» кто-то из завсегдатаев старательно накорябал чернилами слово «не».

Вошли посетители, которые оказались приятелями продавца, и завязали с ним разговор о делах, о знакомых и о страховых кассах, в которых с трудом добьешься пособия по болезни.

⁶ здесь: суррогат алкогольного напитка (прост.)

Опалин допил пиво, не ощущая его вкуса, забрал папку и вышел на улицу. Никто не тревожил его, однако ему было беспокойно, и он почувствовал себя увереннее только тогда, когда сел в трамвай, который должен был доставить его в центр.

Глава 9

ДЫМОВИЦКИЙ

Неизвестный пока Опалину бывший агент угрозыска Дымовицкий проживал в здании, которое до революции называлось Верхними торговыми рядами, а после нее превратилось в неудачную пародию на Ноев ковчег. Сюда вселились какие-то учреждения, комиссии, комитеты и еще черт знает кто, между ними кое-как втиснули универмаг, почту и сберкассу, а в довершение всего часть дома отвели под коммунальные квартиры. Кто бывал в ГУМе (а речь идет именно о нем), тот легко может себе представить, насколько мало это строение, всегда предназначавшееся исключительно для торговых целей, подходило для жилья. Но граждане там жили и даже имели возможность круглосуточно любоваться из окон на Красную площадь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.